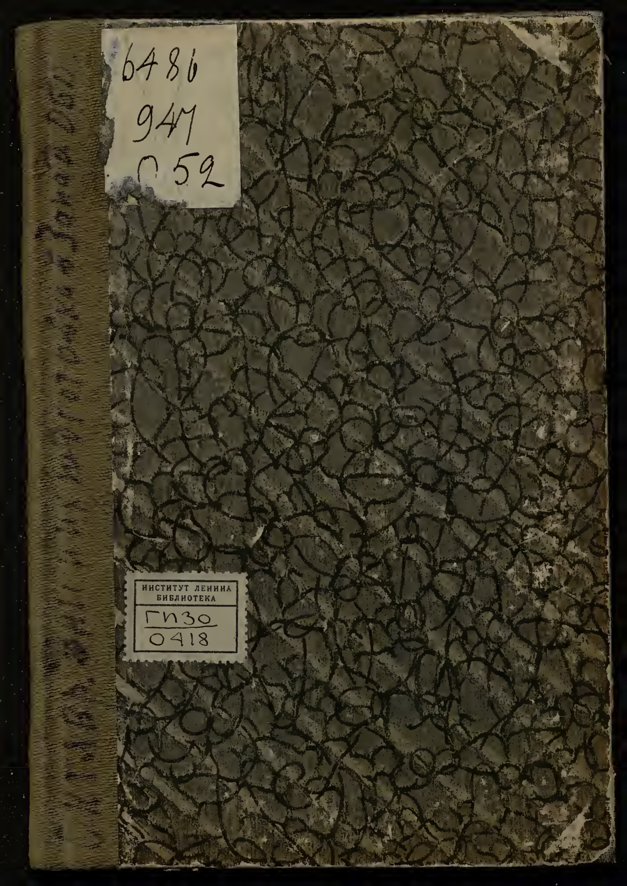
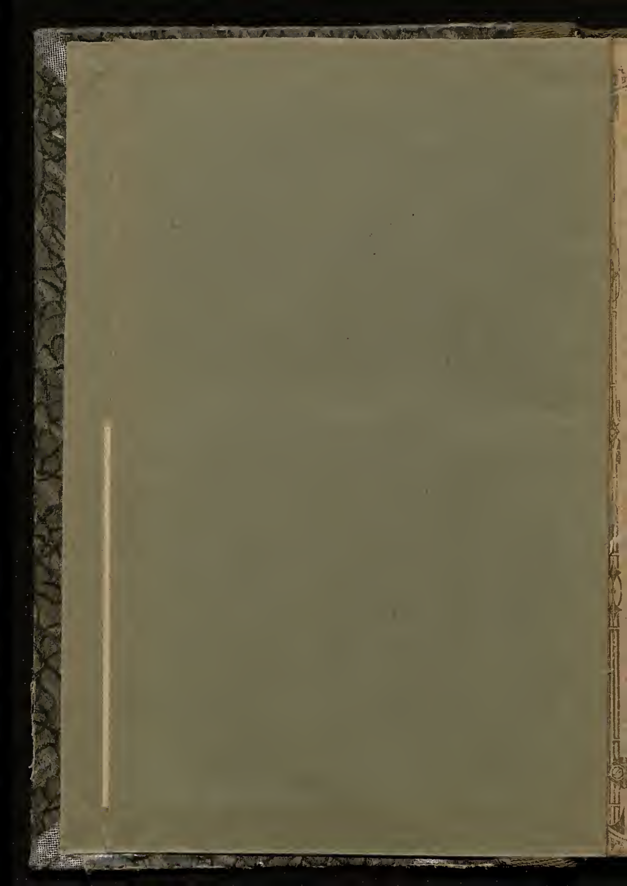


6486
947
C 52
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
0418



Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

и

ИХ ПОДГОТОВКА В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

(Штрихи и воспоминания)

МИНСК.
Издательство „ЗВЕЗДА"
191[illegible].

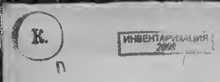
ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

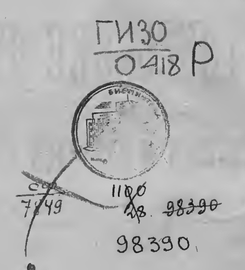
и

ИХ ПОДГОТОВКА В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

(Штрихи и воспоминания).

МИНСК.
Советская Типография.
1918.


К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ



Два слова.

Настоящий сборник составлен из ряда статей, посвященных юбилею органа Сев.-Зап. Обл. Ком. Р. К. П. (больш.) „Звезда“ и Октябрьским дням в Западной Области и первоначально опубликованных в „Звезде“.

Наша задача заключается в ознокомлении читателя в самых общих чертах и набросках с октябрьскими днями и их подготовкой в Западной Области и на старом Западном фронте, сыгравших такую большую роль в жизни революционной России

РЕДАКЦИЯ.

Подготовка Октября.

ВОСПОМИНАНИЯ.

(Ко дню первой годовщины „Звезды“).

История „Звезды“, это—история нашей партии в Западной Области и на Западном фронте. Центром партийной жизни был Минск, сыгравший крупную роль в культурной, общественной и революционной жизни России. В первые дни февральской революции, как и в громадном большинстве других городов, у нас в Минске не было своей отдельной организации, и мы питались „об‘единенной“: смесь большевиков, меньшевиков, бундовцев, польских социалистов, интернационалистов и т. п. Впервые минские большевики фактически обособились 21 мая (по стар. ст.) прошлого года, когда на немногочисленном собрании избрали свой Временный Комитет. Лишь 4 июня произошел у нас с „об‘единенцами“ (соглашателями) решительный и оффициальный разрыв, приведший к образованию уже Минского Комитета Р. С.-Д. Р. П. или большевиков

Помню, около этого времени Минский Комитет выпустил свой „манифест“, провозглашавший основные принципы, как мы тогда выражались, революционной социал-демократии. Сколько шуму поднял тогда этот „манифест“ не только в рядах противников, но и друзей!

„Слишком“ было смело и решительно. Тогда в Минске, в виду опасности погромных элементов и штабного офицерства, наводнивших центр фронта и края, был образован так называемый Революционный Комитет, где подавляющее большинство составляли, конечно, соглашатели. Сей комитет „манифест“ нашей организации счел контр-революционным воззванием и стал подумывать о немедленном из‘ятии его из обращения. Это обстоятельство обезкуражило некоторых наших слабохарактерных товарищей; иные уже из нас даже находили, что тон и выражения

манифеста слишком уже вызывающи, резки и необ'ективны как, например, брошенныя по адресу меньшевиков и эсеров слова „лжесоциалист“ и „полу-революционер“. По поводу этого „манифеста“ было созвано специальное летучее заседание во время одного из бурных собраний минского совета, на котором раздавались только что выпущенные листки „манифеста“. На заседании ряд видных товарищей (и большинство собравшихся), как: Любимов, теперь он работает в Иванове-Вознесенске, Михайлов, ныне—в Шуе, и другие настаивал на том, что бы пока не поздно приостановить раздачу прокламаций и пересмотреть текст „манифеста“. Комитетчики определенно отвергли это предложение; тогда некоторые из примиренцев заявили, что они навряд-ли останутся в среде таких непримиримых и „безответственных“ большевиков.

И это весьма характерно было для того момента. Временный Комитет окружало много называющих себя большевиками старых и опытных, новых, молодых и способных партийных работников, но большинство их как-то было запугано, забито, настроено на мирный лад, способно служить большевизму лишь на словах, а на деле работать с меньшевиками и даже с плехановцами. Например, в тогдашнем Западно-фронтовом комитете немногим меньше половины членов его, составляла социал-демократическая фракция, куда входили и большевики в количестве 10 человек: это—из числа 75 членов всего комитета. Некоторыми товарищами все время неустанно доказывалась необходимость создания большевистской фракции, и это в тот период, когда партийная организация в Минске была оформлена и насчитывала около 200 членов; она имела свой комитет, уже не временный, признанный Ц. К. партии и пользовавшийся определенными симпатиями масс не только в городе, но и на фронте. Мягкотелость и боязнь многих работников давали перевес чувству незаконного сожительства с меньшевиками, что об'ясняется сложившейся тогда обстановкой. Мне кажется, что мирно настроенные товарищи рассуждали: революция достигла многого, на что охотно идут и меньшевики; с ними мы можем работать совместно, нечего нам думать о каких то особых задачах пролетариата и самостоятельной роли большевизма. Рассуждения эти складывались психологически, вытекая из всего прошлого русской социал-демократии и из шаблона политической программы ее, общие места которой были заучены без всякого понимания их сущности и анализа жизни, рабочего движения и истории России последних лет. Если программа требовала Учредительного Собрания, то, казалось, что это является последним и законченным словом нашей политики; если программа — максимум выставлялась нами, как отдаленная и конечная цель, то при этом думалось, что мы ее достигнем во

всяком случае не в момент революции 17 года и в процессе продолжающейся войны.

Это было психологической абберацией, неизбежной тогда в момент оформления н укрепления нашей партии, всюду—во всех уголках России. Ее пережил в свою очередь и Минский (Западно-Областной) большевизм. Она сыграла роль также в рождении „Звезды“, и „Звезда“ в большей степени оказала свое влияние на эту сторону жизни нашей партии.

Еще с первых чисел июня некоторые из нас подумывали о создании своего литературного органа. Мне припоминается искренний и наивный смех одного из наших товарищей, теперь находящийся в рядах меньшевиков, который твердил все время: „какими силами и на какие средства здесь, в Минске, можно издавать большевистскую газету, да при том, кто ее будет читать?“

Но мысль о собственном органе не покидала нас. Ведь на фронте стояли громадные массы измученных, исстрадавшихся, питавшихся большими надеждами солдат, совершенно незатронутых нашей агитацией, а почва была благодарная; по всему фронту и краю были разбросаны десятки и сотни тысяч милитаризованных рабочих, а белорусское крестьянство, в большинстве своем батрацкое, напрашивалось на организацию и политическое воспитание руками действительно социалистической партии. При условиях политической жизни страны и, в частности, фронта и прифронтовой полосы в то время, когда буржуазно-соглашательский блок душил все живое, рабочее и коммунистическое, когда после 5 июля большевизм был об'явлен строго запрещенным плодом и большевики считались вне закона, нашим единственно сильным и действительным оружием могло быть печатное слово, разносимое по всему громадному пространству кровавого поля и долины слез. Мы знали, что натолкнемся на большие препятствия, что наше слово не будет звучать безпрерывно, но уверенность в том, что неравномерно, с перерывами брошенное семя попадет все же на нуждающуюся в нем почву. Сознание это все крепло и умножало нашу энергию.

Не было денежных средств. Собрав последния копейки, снарядили одного из товарищей в Питер, в Ц. К. с челобитной: ссудить нам некоторую сумму денег для начала задуманного литературного предприятия. Надеялись и вместе с тем думали, что навряд ли Ц. К. примет во внимание просьбу молодой, неизвестной организации. Посланец вернулся с двумя тысячами рублей. Была же радость на нашей улице: на эти деньги мы могли иметь шесть целых номеров своей ежедневной газеты, а дальше все зависит от минских пролетариев, белорусских батраков и западных окопников!

Начались поиски типографии. Это было после 5 июля. Минские типографы в ужасе запирались от нас: „дураков мало, чтобы из за большевистского листка поплатиться собой и своим семейством". Но вот мы попали к последней нашей надежде, к старому типографу с электрическими машинами, когда то выпускавшему известный монархический „Северо-Западный Край", добродушному старику, еврею Данцигу. Все члены семьи, дети, жена, сам владелец, в один голос спрашивают: „а какой партии газета?" Мы с товарищем спокойно и величаво отвечаем: „Российской социал-демократической рабочей партии". Повидимому, это было сказано весьма внушительно и убедительно. Договор составлен, задаток и деньги за первые 5 номеров внесены, остановка за бумагой.

Все приготовления уже сделаны, даже предусмотрен свой состав наборщиков — из партийных товарищей. Метранпажем, выпускающим номер, вербовщиком и питающим рабочих, одним из наборщиков и даже одним из деятельных экспедиторов газеты состоял ныне работающий в „Известиях" Ц. И. К. товарищ Алферов. Он же и учавствовал в крещении нашей газеты, которую решено было в память одного из наших боевых центральных органов назвать „Звездой".

„Звезда" взошла 27 июля, и рассыпалась по Минску, краю и фронту в 3 тысячах лучах.

II.

Роль «Звезды» в деле собирания нашей партии была громадная. До того маленькая наша группа, с появлением «Звезды», в течении августа, выросла в большую центральную политическую организацию целого края. На общем фоне российской действительности и нашего партийного строительства «Звезда» была тем фокусом, откуда исходили во все стороны как на фронт, так и в провинцию (имея в виду центром области г. Минск) лучи политического воспитания и общественного преобразования крупных солдатских, батрацких и рабочих элементов Западного края.

Августовская «Звезда» заложила крепкий фундамент нашего здания. Стройныя коммунистическия ячейки и крепкия большевистския организации стали фактом в общественной жизни Западной Области. Центром их служила «Звезда».

Кто ее не знал? Кто из считающих себя большевиками или из сочувствующих большевизму не прислушивался к голосу «Звезды»? Кто из наших друзей не относился к ней с истинным благоговением? Одно только теплое чувство и большая любовь была к «Звезде» со стороны далеких, неизвестных, еще не задетых пропагандой и агитацией солдат фронта. Стоит только пере-

читать многочисленныя письма друзей «Звезды», чтобы убедиться в их отношении к нашей газете. Возьмем, например, письмо группы фронтовиков, где говорится: «солдаты... гренадерской дивизии горячо приветствуют «Звезду» и жертвуют свою посильную лепту 70 р. на процветание ее полезной деятельности. В то время, как буржуазные газеты всеми силами стараются свести на нет заявления революции, даже часть социалистических органов пошла рука об руку с вековыми противниками, для нас, крестьян и рабочих, одетых в солдатские шинели, особенно дорога и нужна работа истинно-демократической прессы, каковой и является ваша газета. Мы преклоняемся перед вашей непоколебимой решительностью смело и твердо защищать обездоленных крестьян и рабочих».

А вот еще письмо политических заключенных, жертв наступления 18 июня: «Мы, солдаты—политические арестованные, находящиеся в распоряжении этапного коменданта 13 этапа г. Минска и вот уже два месяца не получающие жалованья, прочитавши дорогую нам газету «Звезда», несмотря на наше тяжелое материальное положение, решили отчислить в «железный фонд» газеты нашу посильную лепту,—наш однодневный паек из хлеба и сухарей, недобранный нами в сумме 12 руб. 60 коп. Приветствуем „Звезду“, выходящую на страх буржуазии, а нам—на просвещение»!

«Звезда» много внимания уделяла сведениям и письмам с фронта, а в своих статьях в простой и определенной форме, главным образом, останавливалась на вопросах политической жизни. Статьи были по своему тону резки, вызывающи и категоричны. Их резкий тон не нравился и некоторым большевикам, а противников приводил в ярость.

Под здоровыми лучами „Звезды“ соглашательская атмосфера быстро разлагалась. „Звезды“ боялись в особенности офицерство, штабные и политические представители Временного Правительства на фронте. Надо было прекратить доступ «Звезды» в армию.

На основании усиленных доносов и докладных записок генералитета и комиссаров, правительство Керенского 23 августа предписало закрыть „Звезду“ и для пресечения „зла“ в своем корне секвестровать типографию, где печаталась газета.

Велико было возмущение читателей «Звезды» и горе ея ближайших друзей. Все их помыслы были направлены на возобновление популярной и уже ставшей любимой—газеты. «Звезда» была слишком крупным явлением в жизни революционного Запада России, чтобы она могла замолчать. Многочисленные корреспонденты наши, видя, что газета «долго» не выходит — не возобновляется (слишком две недели!), осаждали редакцию просьбами, предложениями и советами о воссоздании «Звезды».

Партия долго билась над вопросом о типографии для „Звезды“. Никто не соглашался. «Инкогнито» уже не помогало. Наконец,

удалось «провести» одного из типографов—неудачника Гринблата, и приступить у него к изданию новой „Звезды"—„Молота". После выпуска двух номеров и Гринблат отказал нам. Но мы „революционным" порядком стали пользоваться его типографией.

„Молот" звучал еще мощнее. Работа его была чисто сокрушительная. „Звезда" проложила дорогу, «Молот» же нещадно уничтожал и отметал все старое, ненужное. Громадно было его влияние при огромном тираже. Если „Звезда" с 3-х тысяч дошла до 6, то „Молот" сразу поднялся до 8, а потом до 10 тысяч.

Важную роль сыграл «Молот» в перевыборах Минского Совета. Начиная с первого же дня своего выхода—с 15 сентября*) и кончая последним—6 октября, на протяжении своих 18 номеров «Молот» без устали призывал на выборах голосовать за большевиков, а также обращался к фронту с настойчивыми предложениями поскорее расстаться со старыми, соглашательскими комитетами. Ежедневно, первыя страницы „Молота" красовались видными лозунгами в самых энергичных, безпощадно бичующих и смело голых выражениях: „кто за измену и предательство рабочих и солдат, голосуй за меньшевиков и эсэров", „хочешь смертной казни—иди за соглашателями" и т. д.

Передовицы и другие статьи „Молота" резко и грузно обрушивались на текущую политику, представляли своим читателям сущность политических партий, живо и наглядно знакомили широкие массы с основными понятиями общественно-политических теорий. Враги и противники метались из стороны в сторону. А некоторые друзья наши опять считали тон и поведение „Молота" «вульгарным» и «недостойным». «Молот» был уже органом Северо-Западного Комитета партии. Недовольные „Молотом" товарищи, вопрос о его „злом и дурном" характере решили поставить на обсуждение Областного Комитета. Протестанты, числом 3 человека, один из них член „Ока", с пеной у рта нападали на „Молот", требовали сокращения его «вызывающего» тона. Почти весь «Ока» терпеливо молчал и слушал недовольных товарищей. Помню, от имени „Ока" под свое покровительство взял „Молот" один из товарищей, который, наоборот, полагал, что газета еще не развернулась, как следует. Один из протестантов впоследствии, в первый же день восстания, перешел на сторону меньшевиков, другой, современем, на язычек стал хуже „Молота", а третий—теперь очень энергично работает во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: о „жестокой" работе и даже ее рождении не только „корректные" в своем обиходе, но и многие обыкновенные большевики раньше и не строили предположений.

*) Там, где не указано, даты мы приводим по старому стилю.

„Молот“ делал свое дело. Поощряемый безконечными письмами и отзывами своих многочисленных читателей, он умело и успешно подготовлял почву для переворота на фронте. Работа такая его долго не могла продолжаться. Верные псы Керенского не имели покоя. Доносы комиссаров, козни местных вождей соглашательства (один из них, эсер Николаев, член Фронтового Комитета и Учредилки, заведуя „культурно-просветительным“ столом у фронтового комиссара Жданова, фабриковал грязные доносы на „Звезду“, „Молот“ и „Буревестник“) и, наконец, рапорт главнокомандующего ген. Балуева заставили „Молот“ перестать существовать.

Это было во дни самого расцвета нашей партии в Западной Области. Молчать, на минуту хоть, нельзя было. По принятым заблаговременно и энергичным мерам, под защитой Минского Совета, в его маленькой типографии стали выпускать „Буревестник“. Он стал расходиться в экземплярах свыше 10 тысяч. Уже определенно чувствовалось приближение общественной грозы.

Буря была на-лицо. И „Буревестник“ своим названием, горячими, коротенькими и меткими статейками возвещал обширному краю и фронту близкий конец невыносимой, предательски-тяжелой духоты. Все это хорошо понимали тогда и с этим сознанием друзья, читатели и все последователи „Буревестника“ слились в тесный, неразрывный союз ратников нового строя. „Буревестник“ своей лихорадочной работой, как бы делал последние, поспешные взмахи крыльями над бушующей природой. Нам пришлось недолго ждать. Наступили октябрьские дни.

„Буревестник“ быстро исчез. Его сменила традиционная старая „Звезда“. И началась эпоха упорной, широкой, творческой работы. Обаяние „Звезды“ еще более росло. „Звезда“ печаталась в 16 тысячах экземплярах. Она стала большой партийной газетой, призванной творить крупное и почетное дело. Действительно, она так и работала. Возьмите деятельность Советов Западной Области, проследите шаг за шагом все ступени их развития с начала ноября и по сей день,—и роль „Звезды“ вырисуется перед вами.

Но здесь уже начинается история.

А. Мясников.

Подготовка октября.

Февральская революция застигла социалистические силы нашего края врасплох. Старые организации почти повсюду уничтожены войною. Продолжает свое жалкое существование один лишь „Бунд“ и то потому, что он на деле не является сплоченною организацией, а группою интеллигентов-цекистов, за которыми в легальной работе идет передовая часть рабочих. Те революционные элементы, которые были заброшены в наш край войною, в силу тех-же военных условий, не успели сорганизоваться. Нелегальной организации нашей партии в феврале, в Северо-Западном крае не было.

Но шли переговоры между отдельными социалистами, между отдельными интеллигентскими группами, дебатировались вопросы о войне и мире, вопрос национальный, вопрос о характере революции и т. д., и т. д.

В первых числах марта сорганизовался Минский Совет Рабочих Депутатов, но левая социал-демократия в нем имела небольшое значение. И только благодаря неорганизованности „Бунда“ возможно было, что во главе Минского Совета с первых его дней стал левый интернационалист, а ныне большевик Борис Павлович Позерн.

Начало марта—призыв к новому партийному строительству. Разделение идет по линии эс-деков и эс-эров. Эс-эров, единую партию собирает ныне известный руководитель самарских белогвардейцев Иван Петрович Нестеров.

Среди эс-деков толки и перетолки. Создались две инициативных группы. Первая выявляет определенно большевистскую точку зрения и ставит вопрос о принятии ее платформы и создании организации, находящейся в тесной связи с. Ц. К. Р. С. Д. Р. П. Другая группа не ставит организационного вопроса в зависимости от взглядов на вопрос о войне и мире и позиции по отношению к Ц. К., а приглашает об'единиться всех, именующих себя социал-демократами.

11-го марта—первое большое собрание Минских социал-демократов. Председательствует д-р Мунблит, соц.-дем. интернационалист. По вопросу о войне и мире определяются три позиции: крайняя правая во главе с А. Фишгендлером, центр—во главе с Е. Мунблитом и левая—во главе с Андреевым, Ландером и др.

Но выступления левой не уверены и слабы и при голосовании ее резолюция получает всего несчастных 13 голосов, вместе с голосом пишущего эти строки, а резолюция Фишгендлера—178 голосов.

Левая сдается, отказывается от создания собственной организации, и те не многие, которые остаются для постоянной работы в Минске, входят в ряды создавшейся Минской Об'единенной Организации Р. С. Д. Р. П. Входит человека два из нее в комитет „Об'единенки", появляются на 2—3 мартовских митингах, но больше всего „саботируют" и „Об'единенку" и ее работу.

II.

Апрельский фронтовой с'езд—важнейшее событие весны 1917 года в Минске. Накануне многие сомневаются, что скажут фронтовики, пойдут ли они за *социалистами* или пойдут против них.

Только так и ставится вопрос.

Выступает генерал Гурко, ныне находящийся на англо-американской службе, и клянется въ своей любви к народу и верности революции.

Его встречают громом аплодисментов.

Выступают господа Родзянко, Щепкин и другие.

Их встречают громом аплодисментов.

Чхеидзе, Церетелли безподобный, Скобелев, Гвоздев—они приводят в восторг.

Прибывшие с фронта солдаты и офицеры увлекаются громкими фразами, не анализируют, не разбираются в деталях.

Они еще не могут отличить большевика от меньшевика. Еле отмечают социал-демократа от социалиста-революционера.

Но председательствует все таки тов. Позерн и благодаря его умелости с'езд всетаки проходит довольно прилично.

Есть ли на с'езде большевики?

Есть.

Из Питера приехал тов. Бадаев, из Москвы тов. В. Ногин, есть и наши знакомцы, т. т. Мясников, Алибегов, Селезнев, Фомин, но они не слышны, они теряются в массе.

Они почти не выступают от определившейся фракции большевиков.

Время большевиков еще не пришло.

Но в 1-ый фронтовой комитет все таки по соц.-демократическим спискам проходят их человека три-четыре.

Товарищи из фронтового комитета пополняют комитет об'единения и тем же скорее приводят ее к развалу.

На апрельские конференции посылаются делегаты: на большевистскую 21—23 апреля тов. С. Могилевский, на меньшевистскую—Е. Мунблит. Принятыя на конференциях резолюции опреде-

ленно выявляют позиции обеих групп. Видно, что совместная работа уже невозможна.

2-го июля (29 мая) состоялось первое собрание фракции большевиков, которое уже должно было означать конец „об'единенки", взорвать ее. Избирается временное бюро, которое приступает к работе.

Фракция большевиков начинает созывать особые массовые собрания солдат, которые идут с нею. Создается военная организация, которая постановляет послать представителя на Всероссийскую конференцию военных организаций Р. С.-Д. Р. П. при Ц. К. „Об'единенка" отказывает в посылке, ибо, как заявляет, конференция—большевистская.

Всетаки делегат, т. Алферов, уехал.

Комитет „Об,единенки" протестовал.

Но основа будущей мощной военной организации была положена. Рост этой военной организации угрожал соглашателям. Они протестовали, но на одном из ближайших же собраний в конце июня, должен был произойти окончательный раскол.

Большевики выступили с докладом по текущему моменту, выставляя лозунг „Вся власть Советам" и собрали нежелательное большинство. Меньшевики выступили со своею фракционною декларацией.

„Об'единенка" была похоронена и ее имущество решено было разделить пополам.

III.

Новый Комитет большевиков взялся энергично за работу. Нечего было думать о том, чтобы привлечь на свою сторону мелких бундовских ремесленников. Война была впереди. Необходимость вооруженной мощи. Необходимо было организовать солдат. И что-же, к концу июля, почти во всех частях гарнизона большевики имели свои партийные ячейки.

Уже в июне впервые Минскому Совету пришлось подумать о вооруженной поддержке и предложить частям выступать только с согласия Совета. В июле пришлось итти дальше. Минский Комитет большевиков начал собирать сведения о состоянии вооружения, количестве винтовок, количестве верных большевистской партии солдат, и т. д. После общих собраний стали собираться делегаты от вооруженных частей, обсуждать боевую мощь революции и т. д. Назначался порядок вызова.

Но полной уверенности в гарнизоне еще не было.

Корниловщина, когда Совету и фронтовому комитету впервые пришлось прибегнуть к боевой силе для борьбы с контр-революцией и выделить свой революционный штаб, сыграла на руку большевикам, приучив их выступать по зову партии.

Образование Минского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии (большевиков) и выпуск нами того манифеста, в котором он в резской форме отмежевывается от социал-предателей и соглашателей, положило начало нашей военной оргазации в Минске.

Меньшевики и эс-эры понимали ту опасность, которая им от этой организации грозила. В Минском Совете они часто выступали с речами, в которых указывали на недопустимость созыва Советом частей, на „преступность“ политики большевиков. Но их речи не находили себе слушателей.

Основною задачею Минского Комитета было перебросить свою агитацию на фронт. Агитационных сил в его распоряжении было очень и очень немного. Да и те соглашательские, армейские и корпусные Комитеты принимали не особенно с большим удовольствием. Так т. т. Кривошеина и Могилевского было запрещено посылать на фронт за то, что они агитировали против июньского наступления. Минский Комитет решил, что самое важное здесь—письменная, газетная агитация.

Уже с первых дней существования Минского Комитета ведется подготовительная работа по изданию газеты.

Наконец—27 июля появляется первый номер газеты „Звезда“. Выход „Звезды“ составляет начало второго этапа развития большевистской работы в Западной Области.

С выходом „Звезды“ работа нашей партии сразу-же перебрасывается на фронт. Она заносит наши идеи во все воинские части, она будит их, призывает к протесту.

Результат работы 18 номеров первой августовской „Звезды“?

Это совещание 1 сентября, на котором было представлено уже свыше трех с половиною тысяч организованных членов нашей партии. Но это представительство не полное. Это были дни Корниловского выступления. Многие товарищи, занятые работою по ликвидации мятежа, не могли приехать, многих не выпускали эс-эро-меньшевитские дивизионные и корпусные комитеты, которые всеми мерами боролись против большевизма.

Но совещание сделало свое дело. Были приняты основные положения по вопросу организационному и товарищи раз‘ехались с тем, чтобы 15 сентября вновь собраться на первую Северо-Западную Областную конференцию своей партии. На этой конференции было представлено уже свыше 25.000 организованных членов и сочувствующих, готовых с оружием в руках проводить в жизнь принципы своей партии, итти в бой за хлеб, за землю, за мир и свободу. Ко времени этой конференции закрытая „Звезда“ была уже заменена „Молотом“, который пользовался еще большими симпатиями солдатских и крестьянских масс, чем его пред-

шественница. Она уже распространялась в количестве от 8 — 10 тысяч экземпляров.

Время от 1-й до 2-й конференции, с 15 сентября по 5 октября, составляет третий период нашей работы, когда партия уже начинает выступать в открытую борьбу со всеми, когда ее боятся, когда она получает особую популярность среди солдатских масс.

5 октября открывается 2-ая Северо-Западная Областная конференция. На ней представлено уже больше 25.000 организованных членов и свыше 30.000 сочувствующих. Это уже такая сила, с которой нельзя не считаться.

После 5 октября, после 2-ой конференции начинается процесс непосредственной подготовки переворота.

Это период, когда Минский Совет переходит всецело в руки большевиков, когда во главе Петроградского Совета становится товарищ Троцкий.

Военная организация нашей партии в этот период всецело занята подготовкою вооруженной силы, учетом оружия и т. д. Видно для всех, что решительный час не за горами. Каждая винтовка, каждый пулемет должны быть на учете. И эта работа проделывается товарищами с большим энтузиазмом на нелегальных или полулегальных собраниях в скромной комнатке на Петроградской.

Это период „Буревестника", сменившего „Молот", который вещает бурю, которая должна снести все старое и создать совершенно новые формы жизни.

Это период, когда товарищ Ленин публикует свою знаменитую статью „Удержат-ли большевики государственную власть" и отвечает на заданный вопрос определенно и ясно: да, удержат, если возьмут. Это время, когда „Рабочий путь" печатает письма Ленина о восстании. И „Буревестник", вестник будущей рабоче-крестьянской власти, перепечатывает их, тем самым пропагандируя в самых широких массах идеи восстания, ибо „Рабочий Путь" доходит до Минска только в 3—4 экземплярах.

Центральный Комитет партии запрашивает нас о нашей боевой готовности.

— Мы готовы.

Но слухи о грядущем „выступлении большевиков" уже жужжат в ушах обывателей.

Меньшевики и эс-эры смотрят на нас, как на с'умасшедших.

Что ни встреча:

— Вы с ума сходите!

— Что вы делаете?!

— Вы губите революцию!

— Правда-ли...

Мы отвечаем в духе не-знайки.

Наконец, появились слухи, что 20-го октября назначен день выступления.

Этому верят даже некоторые большевики.

Блюститель интересов революции, Минский Совет считает необходимым выпустить обращение, в котором указывает, что 20-го октября никакого выступления не будет, а потому призывает граждан быть спокойными.

Это успокаивает.

Но 25-ое октября раскрывает наши карты. Переворот в Петрограде заставляет нас действовать.

26-го октября Минский Совет в согласии с решением нашего Северо-Западного и Минского Комитета Р. С.-Д. Р. П. выпускает свой приказ № 1 в котором возвещает население о взятии власти.

Я сказал „Минский Совет"..

Как тов. председателя этого Минского Совета, я должен пояснить: „не Минский Совет...

В Минском Совете в то время еще меньшевики, еще были эс-эры, еще были бундовцы. Они были в меньшинстве, но в меньшинстве приличном. Не могли же при них обсуждать вопрос о взятии власти.

Ответственность за предрешительный высшими партийными органами вопрос перед Советом должен был взять президиум.

Он и это сделал.

Только когда уже были вызваны арестованные и содержащиеся в тюрьмах солдаты фронта, только когда они были вооружены и сформированы в 1-й революционный полк имени Минского Совета, а это было днем 26 октября, только когда по всем правительственным учреждениям и ответственным лицам были приставлены комиссары, только тогда мы созвали заседание Исполнительного Комитета, чтобы утвердить сделанное.

Конечно, голосами нашей фракции против голосов всех других, совершенный акт был утвержден.

Но была ли достаточна та подготовка, которую мы сделали накануне переворота?

Нет.

Солдатские массы на фронте были с нами, но комитеты, как армейские, так и корпусные и дивизионные в своем большинстве были еще в руках соглашателей.

Они, их предательский фронтовой и комитет спасения революции, еще имели возможность вызвать части.

Чтобы избегнуть поражения,—а наших частей в городе хватало лишь на занятие караулов, нужно было отступить.

Власть перешла к комиссару спасения.

Наши товарищи раз'ехались по фронту, чтобы в течение недели опрокинуть соглашательские комитеты, чтобы двинуть оттуда силу помощь Минску, на помощь Питеру.

Они блестяще это исполнили.

1-го ноября все дивизионные, корпусные и армейские комитеты были в руках большевиков.

1-го октября прибыл в Минск бронированный поезд.

И фронтовой комитет, и комитет спасения, потерявши всякую поддержку в массах, умер естественною смертью.

Председателя-же его, прапорщика Колорухина, вместе с Комиссаром Керенского, Ждановым, отправили в Питер.

Вся эта грандиозная работа с большим тактом и умелостью была проведена исключительно нашею партией и ее Северо-Западным Областным и Минским Комиссаром.

Эта работа по своей грандиозности превышает все то, что сделал какой бы то не было другой областной комитет нашей партии.

Победа „западников“ была тою гирею, которая окончательно и в Питере и в Москве перетянула чашу весов в нашу сторону, закрепила нашу победу.

Тов. Ленин оказался прав — одни большевики могли взять власть и могли удержать ее.

В. Кнорин.

„Звезда“.

1917—1918.

Минский Комитет Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) *) был образован в первых числах июня 1917 года. За месяц своего существования он приобрел симпатии широких пролетарских и солдатских масс.

Комитет решил иметь свой ежедневный литературный орган. Таковым стала „Звезда“, первый номер которой вышел 27 июля (по старому стилю) 1917 года. „Звезда“ просуществовала около месяца. И этого времени достаточно было, чтобы крупные слои трудящихся могли тесно связаться с минской организацией нашей партии. Уже в августе минский большевизм представлял из себя массовое политическое движение целого края.

---

*) Тогда наша партия—партия Коммунистическая называлась еще социал-демократической.

„Звезду" заменил живой и беспощадный „Молот", который в буквальном смысле слова своими меткими и тяжелыми ударами разрушал основы соглашательства в армии и сокрушал старое здание буржуазных начал. При „Молоте" было ясно, что наша партия на фронте и в области Западной России стала главенствующей и руководящей. II-ая западно-областная партийная конференция, в первый день открытия которой „Молот" был закрыт, представляла около 25 тысяч организованных членов и плюс около 30 тысяч сочувствующих.

Результаты деятельности этой конференции блестяще обнаружились на выборах в Учредительное Собрание, когда благодаря энергичной и всесторонней работе конференции и ее многочисленных членов, раз'езжавших по фронту, нашей партии удалось удержать крупнейшую, чем где либо в другом месте России, победу и провести в Учредительное Собрание, как по фронту, так и по Минской губернии около 75%. Основой этому послужил „Молот", это было подготовлено „Звездой".

Через несколько дней после насильственной смерти „Молота", появляется зычный, энергичный и неугомонный „Буревестник", начиная с середины октября неустанно и все громче и громче твердивший, что вот-вот скоро настанет час возмездия, час восстания, час свободы.

Конец сентября и вес октябрь были периодом самой лихорадочной коммунистической работы. Огромная популярность нашей партии, чрезмерное усиление ее и превращение ее в народную, революционно-социалистическую партию—с одной стороны; полная непопулярность соглашательских групп и позорный крах всей их политики, возглавляемой Временным Правительством — с другой стороны, делали тогда невозможным продолжение положения обанкротившейся страны. И мы все чувствовали, в особенности вблизи фронта, что скоро, очень скоро нам придется претворять в жизнь наши мысли, проповедь и страстные призывы.

„Буревестник" был свидетелем октябрьского переворота и и сам, когда то возвещавший бурю, приняв участие в вызове ее и увидав последствия грозной и спасительной бури, уступил свое место вечно юной и творящей „Звезде".

После октября „Звезда" могла спокойно работать над созданием новой, пролетарской России. Мучительное и самое трудное было позади. И „Звезда" въ своей руководящей и созидательной работе увидела многое. Как в калейдоскопе, перед нею прошли периоды величия Западной области и моменты окончательного крушения разрушенного еще соглашателями многострадального фронта. „Звезда" пережила все тяготы юнкерского имперіализма, потерю большей части Западного края; она же вновь послужила делу воссоздания нашей области.

К чему останавливаться на всем этом долго? Оно изжито нами совсем недавно, а теперь переживается так остро, так мучительно. Быть может, наша родная „Звезда“ вместе с нами, со всей страной стоит перед новыми потрясениями, поражениями, бурями, победами и новым созиданием...

Быть может... Но она всегда останется верной **Звездой** всех трудящихся и обремененных и сойдет со своей орбиты лишь тогда, когда—

... настанет година свободы.
Сгинет зло, сгинет ложь навсегда:
И сольються в одно все народы
В вольном царстве святого труда!

Начало „Звезды“.

I.

В те дни, когда произвол буржуазно-соглашательского правительства Керенского дошел до своего апогея, когда все лучшие вожди нашей партии были загнаны в подполье или сидели в тюрьмах, когда, казалось, в бешенной свистопляске, т. н. национального разгула, гибло все, что только было связано с рабочим классом, революцией и интернационалом, когда большевизм был ненавидим всеми слоями русского общества, начиная от Пуришкевича и кончая Церетелли и Черновым, в те дни в городе Минске начала выходить наша „ЗВЕЗДА“.

Это было в конце июля 1917 года.

Многие препятствия пришлось одолеть, пока наша газета увидела свет.

Не было средств.

Устраивали лекции, сборы на партийных собраниях, производили отчисления от заработной платы, и так копейка за копейкой набралась та сумма, которая необходима была для начала работ, да еще как раз некоторую толику на нашу газету отпустил и Ц. К. партии.

Не было типографии: боялись, а иногда просто и не желали печатать большевистскую газету.

Помню такой факт.

В типографии союза инвалидов, в то время, единые социалисты-революционеры, печатали какую-то свою газетку и брошюрку.

Типография была обширная с достаточным количеством шрифта и машин для печатания и нашей газеты.

Однако, когда с.-р. узнали о том, что мы предполагаем там печатать свою газету, они под угрозой прекращения своих заказов в этой типографии, принудили инвалидов нам отказать.

Наконец, и это мытарство было преодолено.

Кое-как отвоевали одну машину в частновладельческой типографии и там приступили к изданию газеты.

Рубикон перейден: „Звезда“ вышла.

Любовно просматриваешь этот первый номер; как будто частица твоего там в печатных листах.

Каждому хочется иметь свою газету, тянуться к ней.

Закипела горячая работа.

„Звезду“ надо перебросить в окопы.

Исстрадавшаяся, солдатская масса на нашей стороне, части ненавидят эту бессмысленную бойню, оторвавшую их от родных сел и деревень, мира жаждет окопник,—поддержать должна его „ЗВЕЗДА“, укрепить его силы и снять ту повязку, которой завязала ему глаза буржуазия и соглашатели, затягивая грабительскую войну.

Приказами тогдашнего главкозапа, генерала Балуева, „Правда“, „Социал-Демократ“ и „Окопная Правда“ были запрещены к распространению в окопах.

„Звезда“ заменила их.

Но и препятствий было уйма.

Нашу газету уничтожали. На почте она всегда пропадала. В полевых почтовых конторах особый контроль был установлен за „Звездой“, дабы ее не допустить в окопы.

Приходилось изощряться.

Вкладывать ее в оффициальную газету фронтового комитета „Фронт“ или в “Известия“, а то и просто посылать с своим нарочным.

Десятки писем ежедневно присылались к нам с просьбой высылать „Звезду“.

— „Буржуазных газет мы имеем сотни“.

„Русским Словом“, „Ранним Утром“ и т. д. все окопы засыпаны. Пришлите нам нашу газету“.

Вот общий тон всех писем.

Организовали свой транспорт.

Каждая часть на фронте посылала в Минск своих людей только ради одного—привезти „Звезду“.

Сколько их было ежедневно, терпеливо стоящих в очереди за получением газеты!

Безчисленныя письма с горячей, самой искренней и задушевной благодарностью, за газету „Звезда“, получила наша редакция.

Она имела огромное значение на фронте, воспитывая солдатской массе дух революционного социализма.

По своему содержанию, по тону статей, написанных всегда простым, понятным языком, она была дорога каждому солдату.

Его заветнейшие желания отражались на ее листах.

II.

В течение какой нибудь недели, другой, „Звезда“ настолько увеличилась в своем тираже, что пришлось подумывать о другой типографии.

Шрифта было незначительное количество, приходилось статьи набирать для газеты и в других типографиях.

Носишься по всему городу за корректурой своих статей.

Начав с двух тысяч, тираж газеты сразу достиг до пяти.

„Железный фонд“ ее крепнет.

„Звезда“ становится все более и более популярной в массах.

Помню, как от арестованных членов полковых и прочих комитетов за отказ итти в наступление, сидевших числом свыше 200 человек, было получено, кажется, шестьдесят с чем то рублей на „железный фонд“.

Это были те, из которых позже в октябрьские дни был сформирован первый революционный полк имени Минского Совдепа.

Чем больше привлекала симпатий „Звезда“ в солдатских и трудящихся массах, тем больше ненависти было к ней со стороны буржуазии и особенно командного состава.

По обнаруженным после октября месяца у главкозапа, генерала Балуева, бумагам, контр-разведке штаба предложено было выследить редакцию и типографию „Звезды“ и узнать адреса и фамилии сотрудников.

В штабе фронта особому лицу предлагается следить ежедневно за нашей газетой и выуживать из нее все, в чем можно только усмотреть призыв против войны и Вр. Правительства.

Балуев пишет ежедневно реляции и доносы в ставку.

Как результат этой деятельности, является секретное распоряжение начальника штаба о запрещении распространения газеты „Звезда“ на фронте.

Это секретное распоряжение попадает к нам в руки и мы его опубликовываем на страницах „Звезды“.

В штабе переполох.

Губернскому комиссару Метлину, правому с.-р., Балуев предписывает разобрать все это дело.

Услужливая мартышка ревностно принялась исполнять свою холопскую повинность.

В комитет партии посылалась одна бумажка за другой, то от Балуева, то от Метлина, как фамилия редактора, где помещается типография, почему газета не зарегистрирована в губернском комиссариате, кто передал этот секретный приказ, почему его напечатали?..

Мы молчим и продолжаем свое дело, ежедневно то опубликовывая еще несколько новых секретных предписаний от штаба

против большевиков, то изобличая прошлую деятельность генералов и их прихвостней, этих новоявленных республиканцев.

Балуев бесится.

Обращается к самому - Керенскому: „Закройте эту газету, ради Бога, а то житья нет!"

Керенский предписывает закрыть эту газету и секвестровать типографию.

Кто должен выполнить?

Начальник милиции!

Он наш—коммунист.

Предписание штаб дает помощнику начальника милиции; тот, возмущенный обходом своего сотоварища, сообщает ему о том, что милиции поручено закрыть газету.

Начальник милиции спешит к нам.

Мы сообщаем адрес своей типографии, скрывать было бесполезно, да и могли подвести своего же товарища!

Всю ночь в типографии идет напряженная работа.

Бумага вся вывезена.

Старые экземпляры спрятаны в надежном месте и теперь перед нами задача—отпечатать завтрашний номер до прихода милиции.

Судорожно кончает метранпаж сверстку номера и свинцовые строки кладутся на машину.

Час ночи.

Еще час и все количество будет готово.

Поспеть, только бы поспеть!

Пять, десять минут...

Упорная, сосредоточенная, настойчивая работа.

Вдруг стук, говор за стеною, лязг шпор, бряцанье сабель.

Стучат...

Впускаем...

Штабные выхоленные физиономии, серебрянные погоны, и сзади казаки в папахах.

— Здесь типография газеты „Звезда"?

— „Здесь"!

— „Именем Временного Правительства газета „Звезда" закрывается и типография секвеструется".

— „Опоздали черт возьми"... пронеслось в голове.

Начинается опрос....

Записывает всех присутствующих.

Бесстыдно глумятся над подростком корректором.

А казак, подбежав к машине, начал кинжалом выворачивать шрифт.

И, казалось, как будто рвал он на клочки тело любимого существа, чувствуя себя в данный момент победителем.

— „Мы еще повоюем“.

Выходим.

Кругом патрули... Во дворе, снаружи, и все казаки.

— „Знали ли они, что разбрасывая этот шрифт, они губили себя же самих?

Столь ранний приход, как мы узнали позже, об‘яснился тем, что штаб пожелал произвести закрытие газеты помимо милиции, которой он не доверял.

Типографию секвестровали, обратив ее исключительно на военныя нужды.

Наборщики (военнообязанные—наши партийные товарищи) были отправлены на фронт.

Так они хотели задушить нашу газету.

Но это им не удалось... не смотря ни на какия затруднения, на следующий же день мы устремились в поисках за новой типографией и скоро появилась вновь наша газета; правда, уже пришлось до более лучших времен свое старое название изменить.

Это был „МОЛОТ“.

Ричард Пи—ль.

„Звезда“ и Минский Совет.

Годовщина „Звезды“...

Для старых работников большевистской фракции Минского Совета рабочих и Солдатских Депутатов эта годовщина говорит очень и очень много.

Минскому Совету, в частности его большевистской фракции, пришлось сыграть чрезвычайно важную роль в деле нашего партийного строительства на Западном фронте и в области.

Минский Совет, с первых дней своего существования, когда его председателем был ныне Петроградский военный комиссар тов. Позерн, тогда еще не большевик—взял определенную революционную линию поведения. Это послужило причиною огромного его влияния среди солдатских масс, которые по всем вопросам обращались не к меньшевистско-эсэровскому фронтовому комитету, а к большевистскому Минскому Совету.

Особенно большую популярность Минский Совет приобрел в солдатских массах после того, как он ясно и определенно высказался против подготовляемого Керенским и штабом фронта наступления.

Вопрос о войне и мире, в частности вопрос о наступлении, был тот, по которому сшитая белыми нитками единая социал-де-

мократическая фракция Минского Совета раскололась на две, почти равныя части.

Раскол нашей Советской с.-д. фракции привел к окончательному расколу той об,единенной организации Р. С.-Д. Р. П., которая в Минске образовалась в начале марта. В июне был образован Минский Комитет нашей партии, который выпустил свой манифест и на одном из своих первых заседаний поднял вопрос об издании своей партийной газеты.

На что могла расчитывать только что зарождающаяся большевистская организация, не имеющая еще организационных связей ни с областью, ни с фронтом? Только на один Минский Совет в котором большевистская фракция являлась относительно преобладающей. Минский Совет должен был явиться тою базою, от которой отправляется наша письменная агитация, также как он был тем центром, который давал фронту большевистских агитаторов.

Польские события на несколько недель отсрочили издание газеты. В атмосфере ужасной травли издание первой большевистской газеты в крае было сопряжено с большими трудностями. Данное президиумом М. С. разрешение печатать „Звезду“ в маленькой типографии Минского Совета опротестовали меньшевики и эс-эры. Пришлось искать частную типографию, что было чрезвычайно трудно.

И вот: 27 июня (по ст. ст.), наконец появляется долгожданная «Звезда». Редакция разместилась в комнате большевистской фракции, экспедиция—в мандатной комиссии Совета. На Петроградской, № 6, закипела работа. Члены Советской фракции, ответственные партийные работники во главе с. т. т. Алибеговым, Дантриевым, Галкиным и мн. другие занимались фальцовкою и экспедицией газеты. За распространение газеты взялись политические арестованные, сидевшие в Минских тюрьмах и гауптвахтах, и тесными узами связанные с Минским Советом.

Это были дни, когда в старом доме на Петроградской кипела жизнь. Нужно было наладить распространение, нужно было наладить связи с фронтом. Все нити стекались к «Звезде» и «Звезда», ютящаяся в маленькой комнатке Минского Совета, была естественным центром всей этой работы, разливающейся широкою рекою.

Первую „Звезду“ закрыли, по проискам штаба фронта. На ее место появился тяжелый рабоче-крестьянский „Молот“, под ударами которого с неимоверною скоростью разлагалась мелко-буржуазная власть, под ударами которого с неимоверною скоростью выковывалось революционное сознание. Но в один прекрасный вечер опять нами получены сведения, что в эту ночь будет сде-

лан обыск в типографии Данцига, печатающей „Молот“ и „Молот“ будет закрыт.

Удалось задержать отправление наряда на несколько часов и в это время мы перевозим уже готовый набор в типографию Минского Совета, где печатается нелегально последний номер нашего „Молота“, после его закрытия властями.

Наступают революционные октябрьские дни. Слуги Керенского неистовствуют. Но в маленькой типографии Минского Совета печатается сильный и смелый «Буревестник», возвещающий восстание, ставящий своим основным лозунгом: „Вся власть Советам! Да здравствует социальная революция!“.

То, что могли сделат с „Звездой„ и „Молотом“, печатающимися в частных типографиях, не могли сделать с «Буревестником», печатающимся в типографии революционного большевистского Совета, за которым, как один человек, стоял гарнизон и огромная часть фронта. Минский Совет многократно подчеркивал свою идейную связь с «Буревестником» и «Звездою», Минский Совет выступал под знаменем «Звезды». И тот громадный авторитет, которым пользовалась «Звезда», переходил на Минский Совет и обратно.

Нам не приходится здесь долго говорить про значение этой связи в деле распространения идеи восстания, которое „Буревестник“ в, последние дни проповедывал открыто. Но те решения, которые выносились созванными Минским Советом грандиозными собраниями и самым Советом, явились достаточной гарантией против всяких покушений, против большевистской газеты.

За призыв к восстанию, за напечатание писем т. Ленина «Буревестник» был закрыт, но он охранялся верными солдатами Минского Совета и господа Ждановы не могли привести своего решения в исполнение. Грянуло восстание, Минский Совет и «Звезда»—это были два проводника пролетарской революции на Западном фронте и в Области, которые тесно связавшись в историческом развитии революционного движения, продолжали и в новой обстановке, при торжестве социальной революции, эту же советскую работу.

История «Звезды»—история Минского Совета—это две параллели, оказывающие влияние одна на другую, развивающия и растущия под одними и теми же веяниями и стремящиеся совместно к великому действию социалистической революции.

В. Кнорин.

Неугасимая „Звезда“.

Итак, нашей „Звезде„ исполнился год со дня ее рождения.

Только один год, а кажется прошло целое столетие.

Да так оно и есть. Разве не на сотни лет мы отодвинулись от проклятого рабского прошлого?!

Рожденная в тяжелые дни, когда по Руси разгуливала керенщина, когда свободное пролетарское слово душилось всеми способами и средствами, когда пролетариат, скованный нарождающейся диктатурой буржуазии, был втиснут в железныя рамки военной „дисциплины“,—рожденная в эти проклятые дни, наша „Звезда, издававшаяся притом во фронтовом городе, стояла под неусыпным надзором генералов и рисковала быть стертой с лица земли вместе со своими сотрудниками.

Керенщина, буржуазия и генералы понимали, что „Звезда“ была им опасным врагом, и на 18-м номере наша пролетарская газета была закрыта по распоряжению г-на Керенского, а типография, в которой печаталась „Звезда“—секвестрована „для военных надобностей...“

Душители пролетарской печати хорошо знали, что делали.

Они не хотели, чтобы рабочая и солдатская газета читалась рабочими и солдатами, запрещали продавать ее в розницу газетным артелям, не пускали на фронт...

Но „Звезда“ продавалась и в городе (Минске) и в огромном количестве проникала в солдатские окопы.

Об этом позаботились уже сами товарищи солдаты.

Едва газета успевала выйти из машины, как товарищи-солдаты сотнями подхватывали ее—и через какие нибуд несколько минут весь город оглашался их мощными выкриками:

Рабочая и солдатская газета „Звезда“...

И сотни рук тянулись к нашей газете.

Конечно, это не были руки, унизанныя золотыми кольцами.

Ни одна холенная, изнеженная рука не прикасалась к ней.

Это были заскорузлые, мускулистые руки рабочих, это были из‘еденные окопными паразитами руки солдат...

И мы с невыразимой радостью с каждым днем убеждались, что наш труд не пропадает даром, что наши сердца нашли ответный трепетный отклик в рабочих и солдатских сердцах, что наша мысль, как ракета, взрываясь над головами наших окопных товарищей, освещает им их настоящий путь—путь освобождения.

Но с каждым днем свирепела буржуазная и генеральская клика...

На 17-м номере „Звезда“ была закрыта, 18-й был рассыпан рукой „охранника“...

Но рабочая и солдатская газета не умерла, не могла умереть!...

Через несколько дней вышла новая рабочая и солдатская газета — „Молот“, которая... была закрыта по распоряжению того же г-на Керенского и тоже на 18-м номере...

После „Молота“ вышел „Буревестник“, а потом...

А потом, через несколько дней, рабоче-солдатским ударом был выброшен из победно-буржуазной колесницы и „сам“ г-н Керенский...

И снова вспыхнула наша „Звезда“..

Прошел год...

Керенщина, услужающая буржуазии, изжита безвозвратно.

Под флагом социал-соглашательских партий идет против Рабоче-Крестьянской Руси черный дракон монархической контр-революции.

Впереди, держа в руках контр-революционный стяг с лозунгом „Да здравствует Учредительное Собрание“, шествует авангард российского черносотенства—меньшевики и правые эс-эры, а за ними тянется безконечная вереница Гамзей Гамзеичей, Милюковых, Мартовых, Керенских и Савинковых...

Вся эта свора, ненавидящая рабоче-крестьянскую Русь, безсильная сама по себе, из сил выбивается в изыскании способов и средств свергнуть Советскую власть.

Предательство и провокация стали узаконенными способами борьбы.

Нападения из-за угла на советских работников являются излюбленным методом меньшевистско-право-эсэровского белогвардейства в его борьбе с рабоче-крестьянской властью.

Торговля Россией оптом и в розницу на международном буржуазно-империалистическом рынке превращена нашими хулиган-патриотами в род занятий, дающих средства к существованию.

Диктатура буржуазии над рабочими и крестьянством стала желанной мечтой, в которую влюблены теперь одинаково страстно как социал-соглашатели, так и капиталисты и бывшие помещики и жандармы.

Предводители эс-эровских банд, вроде донского разбойника генерала Краснова, друга-приятеля Керенского, служат слезоточивые панихиды по Николае Романове—палаче рабочих и крестьян.

И вот, в такое время, когда вокруг социалистической России воют и щелкают зубами кровожадные шакалы контр-революции, особенно хочется приветствовать старого испытанного борца за пролетарские идеалы, твердою рукою несущего революционное красное знамя все вперед и вперед к светлому царству Социализма на всей земле.

Ибо сейчас, в особенности ценно и нужно мощное пролетарское слово, неустанно кующее меч классовой борьбы и разжигающее неугасимый пламень веры в окончательное торжество мировой пролетарской революции.

Наша „Звезда“, находившая в себе достаточно сил для борьбы при условиях почти нелегального существования, теперь, когда наши задачи наполовину приведены к осуществлению, когда пролетариат и живущее непосредственно своим трудом крестьянство стоит у власти во всей стране,—удвоит свою энергию, неустанно указывая революционному пролетариату его дальнейшие пути, идя с ним рука-об-руку.

И прочная этой взаимной связью, она будет воистину **неугасимой „Звездой“**, освещающей путь к Социализму.

А товарищи рабочие и крестьяне, идя по этому пути, должны твердо помнить, что только в дружном единении пролетариата, в его неразрывной спайке, в твердой единой воле к победе можно прийти к осуществлению революционных задач.

Революционный опыт последних месяцев показал, что только Коммунистическая Партия большевиков, чуждая всякого соглашательства с буржуазией и социал-предателями, ведет революцию по правильному пути, не делая никаких уступок буржуазии.

И если будет у нас такая же твердая классовая спайка, какая существует сейчас, если не надломится в последних усилиях борьбы единая наша революционная воля,—то мы можем с уверенностью сказать, что мы уже близки к окончательной победе

Но только...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг...

Георгий Фонвич.

К истории „Звезды“.

(Из воспоминаний).

Долго и трудно строилась организация нашей партии на Западном фронте, при Керенском, прежде чем она стала могучей партийной единицей.

Нечего и говорить, что для ее собирания и сплоченности потребовалось много.

В первую очередь встал вопрос о своем печатном органе.

Многие товарищи склонны были отписываться в местных „Известиях“ и выпускать брошюрки по текущему моменту.

Время было не таково, чтобы большевики могли вести ши-

рокую пропаганду устно и письменно. Будущие волны гонений со стороны батальонов смерти, „ударников“, господствующих партий меньшевиков и эсеров, налагали печать на уста и на прессу, но большевиков задавить они не могли.

Были 3—5 числа июля 1917 г.

Неудержимо сама жизнь толкала партийных работников взять в свои руки гегемонию политической жизни страны в противовес соглашателям—меньшевикам и эсерам. Без своего печатного органа нам не обойтись. Ничего не сделать. А впереди предстояла борьба за власть, за Советы. Нужно было во что бы то ни стало создать свою газету.

И вот в Минске, 27 июля 1917 г. вышел первый номер „Звезды“.

С какой радостью и воодушевлением был подхвачен выход первого номера „Звезды“ партийными товарищами!

Читающих и желающих распространять „Звезду“ было гораздо больше, чем могла дать типография, скудная техническим материалом и оборудованием захудалого типографа-предпринимателя на задворках окраины Минска.

Здесь получила свое начало „Звезда“, орган Минского Комитета партии большевиков, сыгравшая крупную роль для организации партии и пропаганды социалистических идей.

„Звезду“ знали все.

Не только члены партии, солдаты на фронте, рабочие заводов, крестьяне—батраки, но также большое внимание уделили ей и „охранка“ Керенского—фронтовой Комиссар Жданов, Ставка, Штабы, контр-разведка и дума во главе с городским головой.

„Звезда“ своим содержанием служила живым отражением всего происходившего в стране, в армии, на фронте, в Советах и в революционном движении, готового перейти от своей буржуазной формы в пролетарскую революцию.

„Звезда“ статьями своих авторов все это отмечала в свете простого и живого изложения, завоевывая массы читателей. Никто, никакой подголосок не мог побороть энергии рабочих и солдат от охраны своего детища—газеты „Звезда“.

Меняя свое название, место, „Звезда“ не меняла себя, как защитница пролетарских интересов. В дни разброда и паники она была достойной представительницей того класса, которому служила и служит поныне.

Не лишне поделиться воспоминаниями о первых шагах и мытарствах „Звезды“.

В дни Корниловщины „Звезда“ пострадала от насильников.

Помнится: была чудная августовская ночь, с тысячами звезд на небе.

„Они пришли“...

Заняли весь двор лошадьми и тесной стеной черных бурок диких текинцев во всеоружии, пялили свои рожи в окна, где спокойно заканчивали свою работу несколько товарищей наборщиков—солдат, корректор и печатник, чтобы выпустить в свет еще нужней, еще интересней, чем прежде, номер. Но на этом прерывается не только их работа, но и самый выход „Звезды“...

Ищейки, контр-разведки...

Штабные офицеры...

Милиция...

С шумной торопливостью переворачивали и уничтожали набор, рукописи, клали печать на двери типографии.

Набег был закончен.

Оставалась расплата за «действия преступные».

Тяжело было слушать от упитанного сатрапа (мы были простые солдаты—рабочие): „Что, на фронте воевать не хотите, а газету печатать будете?.. Сами не воюют и другим не дают. На фронт их“! Были предположения погромного характера: разбить машины... Ушли, ограничившись пленными: 2 наборщика, 1 печатник и корректор. Паложили печать на печать. Потом долго после этого набега сидели караульные у запечатанных дверей типографии. Хозяин типографии ходил, молил распечатать ему вход... Никакие просьбы не были действительны. Репрессии сыпались без замедления. Ссылка работников „Звезды“ заставила ждать долго выхода „Звезды“. Трудно было подыскать подходящее лицо, кто бы взял риск попасть в подозрение за то, что ое стоит за большевиков. С новой строки „Звезда“ возникла при ограниченном круге товарищей, вложивших в первые шаги ея столько веры, что она будет жить и должна жить. При своем начале располагала весьма малыми средствами: с двумя тысячами она вышла на свой блестящий путь годового существования.

Многих, ищущих путь в партию, „Звезда“ захватила своим блеском. Некоторых товарищей она вывела в вожцей революции.

Вступая во 2-й год жизни, наша светлая, лучезарная „Звезда“ будет еще ярче зажигать сердца трудящихся масс, выражать думы и желания революционного народа, чтобы чрез мытарства и гонения придти к победе, памятуя, что наш путь усеян не розами, а шипами.

Альфа.

Провели.

Хорошее воспоминание!

В кармане ни гроша, в желудке пустота, а на душе так весело—уверенно. Победа большевиков, несмотря на соловьиное пение меньшевиков и бесстыдство эсеров, ясна.

1-я партийная конференция Западной области. Настроение у активных работников приподнятое: всех тянет в Петербург, на II-ой с'езд Советов.

„Как бы пролезть мне“—вот что у всех на уме. Подметить непреодолимое желание хорошего товарища и не подшутить над ним—выше моих сил, и я незаметно—тихохонько подталкиваю своего друга, секретаря комитета:

„Митька, а нам почему не поехат в Петербург“?—шепчу я. „Что мы не большевики что ли?.. Молоды?.. А пятнадцати часовая работа не старит нас?.. Красноречием не обладаем?.. Да там —и без нас много... Наше дело не отступай ни на иоту от программы большевиков, а поднять руку во время,—нас не учить.

Предлагай!!!

Председатель ставит на голосование.—„Ну куда их“, раздаются голоса.

„Как куда“?—возмущаемся мы.

— Да вы никогда не выступали...

„Вот из этого то соображения мы и настаиваем на своей кондидатуре: вы нужны здесь, как хорошие ораторы... Для вас по горло работы и здесь, среди солдат гарнизона, фронта и среди рабочих... А там что-ж, поднять руку“?!?

Спор прерывается появлением начальника милиции т. Михайлова. Лицо у последнего сконфужено—взволнованное... Шепнув председателю что-то, они направляются к выходу...

Присутствующие волнуются, переглядываются... Мы спешим узнать о случившемся. В коридоре толпа.

„В чем дело“?

— Неприятное положение... издевательство, черт побери, волнуется Михайлов. Быть большевиком и итти закрывать свою газету.—

— Как???

„Да... Газета «Молот» прикрыта Керенским“!

— Снова на восемнадцатом номере?.. «Звезда» дала 17 и... Да ведь этож...

— Ну там что хотите говорите, а факт на лицо: губернским комиссаром сделано распоряжение конфисковать номер, который уже набран и должен сейчас печататься. .

„Этому не бывать.. Митя, за мной“!.. Мы мчимся к телефону.

„Товарищ Цапковатый?!? Автомобиль"!!!
— Куда?.. „Не твое дело"!..
Через пять минут мы летим на автомобиле.
Темная ноябрьская ночь. На улицах города жуткая тишина. Под'ехав без света к типографии Данцига, мы мчимся к товарищам...
Корректор Резауский «корпит» над работой.
„Много осталось просматривать?.. Ну так скорей давай наборщикам для исправления. Можем запоздать... Быстро связывайте шрифт!.. В бумагу завертывайте"!..
Наборщики без слов понимают. Через несколько минут мы со всем набором восемнадцатого номера «Молота» уже в другой типографии...
Машина жалобно напевая «у у...у-у» выкидывает лист за листом... А хозяйка типографии, Рудерман вторит: «И что вы с нами делаете... без спроса... против нашего желания»?..
— Идите спать говорим, и не мешайте нам слушать внушительную песнь типографского станка.
На утро агенты Керенского, Жданова и Ко, досадуя на свою опрометчивость, кусали пальцы...
Номер восемнадцатый газеты „Молот" красовался на заборах городских улиц и на груди газетчиков.

М. Сторожевский.

Блестящий документ.

Правительство Керенского при главнокомандующих фронтами имело своих комиссаров, которые обязаны были как следует проникаться духом реакционного офицерства и сообразно этому воспитать солдат фронта. При этом, главнейшей целью комиссаров считалось уничтожение с помощью генералитета всяких следов большевизма в армии. При штабах и в комиссариатах были созданы специальные органы (военно-политический отдел и культурно-просветительный стол!), задачей которых являлось изучение большевистского движения среди солдат и преследование большевистской печати.

В этих органах фабриковались гнусные доносы на нашу партию, прессу и предложения о закрытии той или иной большевистской газеты, о разгроме того или другого большевистского комитета. „Звезда" была закрыта Керенским по настояниям его Минского ставленника Жданова и главнокомандующего. Таким же образом, была задушена преемница „Звезды"—газета „Молот", о чем в наши руки попало прекрасное свидетельство в виде ра-

порта главнокомандующего того времени своему верховному, каковым был тогда Керенский.

Документ этот составлен, повидимому, в кабинете г. Жданова, ибо все материалы к нему и копия его были найдены в ждановском комиссариате при произведенном в нем обыске, после ареста г. Жданова в первых числах прошлого ноября Военно-Революционным Комитетом Западного фронта и города Минска.

Небезынтересно ознакомить читателя с этим документом.

Главнокомандующий армиями Западного фронта, 27 сентября 1917 г., № $1\ ^{112}/_{14718}$.

Верховному Главнокомандующему.

РАПОРТ.

15 сентября сего года, в Минске начала издаваться газета „Молот", являющаяся, по собственному ея выражению (№ 3, от 7 сентября 1917 года) преемницей, закрытой по распоряжению Военного Министра от 23 августа 1917 года, № 8339, газеты „Звезда".

Поставив себе лозунгами: немедленное окончание войны, демократический мир, передача всей политической и военной власти пролетариату, немедленная, до Учредительного Собрания, передача частновладельческих земель и инвентаря крестьянам и безпощадная война капиталистам и буржуазии, газета „Молот" с первого же своего номера предприняла крайне вредную антигосударственную агитацию; статьи, подрывающие авторитет Временного Правительства, возбуждающие солдат против офицеров и вселяющие недоверие к союзникам; клеветнические выпады, направленные против высшего командного состава; призывы к гражданской войне и анархии печатаются буквально в каждом номере названной газеты.

По отношению к правительственной власти и ея представителям, агитация газеты „Молот" носит явно анархический и провокационный характер: „Министр, председатель и прочие министры—наемники буржуазии, контр-революционеры в скрытой форме. Правительство кишит предателями; заветной мечтой его является—сокрушение революции. Оно готовит повальное избиение солдат, рабочих и крестьян. Правительство ведет войну в угоду нашим и союзным капиталистам; оно затягивает ее для того, чтобы легче было бы потом задушить демократию. Оно ввело смертную казнь только для солдат и, всячески угнетая пролетариат, явно покровительствует буржуазии и контр-революции. Представители власти на местах—комиссары, сплошь черносотенцы, ведущие ожесточенную травлю против демократии и ея свободы. Все демократические партии, кроме большевистской—предатели, продавшиеся капиталистам".

На высший командный состав и офицерство газета „Молот“ выливает целые потоки брани, клеветы и угроз. Ежедневно на ея столбцах появляются явно провокационные статьи, дискредитирующие Верховного Главнокомандующего и высшее командование, возбуждающие солдат против офицеров, призывающие их к неисполнению приказов, анархии и насилиям.

Лейт-мотивом этих статей является: война грабительская; ее нарочно затягивают капиталисты и генералы, последние все поголовно контр-революционеры, предатели и изменники. Они, не задумываясь, отдадут врагу Петроград, как отдали Ригу, лишь бы сокрушить революционную армию и освобожденную Россию, которых они ненавидят.

Имея широкий доступ в армию и, находя в темных низах ея благодарную почву для своей демагогической пропаганды, газета „Молот“ подрывает всякое доверие к командному составу и ведет армию к полному разложению.

Приводимые ниже выдержки ярко обрисовывают ту травлю, которую вышеназванная газета ведет против высшего командования.

№ 1 от 15 сентября 1917 г. статья **„Текущий момент“**... „Демократизм Керенских—контр-революция в скрытой форме“.

Ст. **„Партийная жизнь“**. „Докладчики из армии нарисовали полную картину царящего в частях беспредельного произвола со стороны контр-революционного командного состава и комиссаров Временного Правительства, которые ни перед чем не останавливаются, чтобы задушить в армии свободу слова и печати“.

№ 2, ст. **„Истинные пораженцы“**. „Наступление, отступление, победа, поражение, почетный или позорный мир—все это рассматривается генералитетом как средство раздавить революцию. Ставка самым очевидным образом спекулирует на известиях о поражениях. Ставка раздувает наши неудачи, ставка выдумывает их, клевеща на геройски сражающиеся части, чтобы посеять в стране панику... Поражение под Ригой в высокой степени подозрительно. Не стоим ли мы тут перед новой формой борьбы с „внутренним врагом“, спекуляцией на самых поражениях, сознательной уступкой неприятелю известной части территории и разгромом революционных войск, чтобы скрутить всю страну „железом и кровью“.

Революционный народ должен, наконец, положить конец этой недостойной игре и оградить страну от пораженческой контрреволюционной буржуазии и генералитета.

Выход один—вся власть политическая и военная—революционной демократии“.

Ст. **„Как поднимали боеспособность в армии“**... „Они, правительство, молодили командный состав странным способом: двух генералов пересадят одного на место другого и полагают после этого, что два старых контр-революционера стали молодыми и революционными“...

„Революция“.. „Мы против всяких приказов и приказаний от кого бы они ни исходили, мешающих делу революции...

Долой войну между народами! Долой клевету на товарищей солдат!“.

Ст. **„Партийная жизнь“**. „Смертная казнь на фронте стала проводиться в жизнь генералами, „усердными агентами“ правительства. Тысячи солдат, осужденных на каторгу. Разрушаются солдатские организации, уничтожены завоеванные права солдат. Контр-революционные командующие армиями и главнокомандующие фронтами пекут приказы за приказами для усиления дисциплины, для подавления солдатских свобод, для восстановления власти, жаждущего мести солдатам командного состава“.

Ст. **„Текущий момент“**... „Генеральско-казачья вандея разрастается“...

Ст. **„Обзор печати“**... „Товарищи солдаты с такой же категоричностью должны заявить теперь, что не потерпят больше никаких гонений на войсковые комитеты, никаких преследований за политические убеждения, никаких расформирований и натравливания однех частей на другие“.

№ 5, Ст. **„Новая черносотенная газета в Минске“**... „Ригу сдали генералы, перед которыми так умело пресмыкаются г.г. полковники с одной буквой и вообще всякая штабная... сволочь. Они (генералы) пугают опасностью, которой нет, а когда ея долго не бывает, то сами ее создают.—Рига-яркий пример. Для этих господ свои классовые, грабительские интересы дороже и выше родины“.

„Обзор печати“. „Наша задача—такая же борьба с Керенщиной, как и с Корниловщиной, ибо разница между ними со дня на день становится все меньше“.

„Письмо в редакцию“... „Ярый поклонник талантов Корнилова—Балуев; быть может смертная казнь, введенная социалистами и революционными генералами угрожает истинным служителям монархии и николаевских порядков (генерал Балуев!).. их высокопревосходительства по прежнему издеваются над личностью солдата и рабочего“.

№ 6, **„Рабочие, крестьяне и солдаты“**... „Высший командный состав—штабные предатели и лжецы, да и вообще офицерство во своем большинстве“.

„Обзор Печати“. „Не смещенные Корниловские генералы сдадут Петроград умышленно... армия, ненавидящая своих командиров... воевать не хочет и воевать не способна“...

№ 7, Ст. **„Демократическое совещание и власть“.** „Предатели революции: Церетелли, Керенский“...

Воззвание. „Мы против войны, ибо она есть война грабительская; мы за отмену приказов, направленных против солдат и матросов; мы против расформирования полков и натравливания солдат друг на друга; мы против жестоких расправ с солдатами в царских „судах“.

№ 8, Ст. **„Свобода Нации“...** „Характером, сущностью нашего правительства, попирающего все свободы и затягивающие войну“.

Ст. **„Обзор Печати“...** „Кровью и железом“ хотят г-да Керенские накормить народ... Наша задача скомпенсировать гнев и возмущение масс для дружного натиска на Корнилово-Милюково-Керенский режим“.

Ст. **„Откуда их патриотизм“.** „Истинное положение на фронте известно только клике штабных патриотов... они, главнокомандующие, боятся лишиться шантажировать революцию угрозой внешней опасности“.

По отношению к союзникам газета „Молот“ своими явно клеветническими статьями старается подорвать доверие к ним широких масс и армии. Союзники ненавидят Россию и ея свободу. Война ведется ими за наш счет. Французы варварски относятся к нашим войскам во Франции. Английские броневики шли на Петроград. Англичане и французы всячески поддерживают контрреволюцию и Корнилова.

Я не говорю уже о буржуазии, капиталистах и помещиках. Им газета „Молот“ об'явила безпощадную войну. Каждый ея номер сплошной призыв к насилиям над этими классами населения.

Из вышеизложенного явствует, что в тяжелые дни, переживаемые родиной, когда все сознательные элементы признают единственным средством для спасения России—сплочение всех живых сил страны, газета „Молот“, подрывая своей преступно-провокационной агитацией престиж законной власти и ея полномочных органов, всячески пороча командный состав, возбуждая солдат против офицеров, призывая темные массы к анархистским выходкам и сея рознь между различными классами населения, не только разрушают общегосударственное строительство России, но и способствуют окончательному упадку дисциплины и боеспособности армии.

В виду изложенного и признавая характер деятельности газеты: «Молот» в чисто военном отношении безусловно вредным и

крайне разлагающе действующим на армию, ходатайствую о закрытии вышеназванной газеты, с реквизицией типографии, печатающей эту газету.

Подписал: Генерал от-Инфантерии Балуев. Скрепил: Начальник Штаба, Генерал-Лейтенант Бальтер. Верно: Вр. и. д. Начальника Особого отделения, Капитан Корсунский".

Это было написано 27 сентября, а 5 октября уже был приказ сверху о закрытии „Молота".

Октябрь и его результаты.

Октябрьские дни в Западной Области.

Хронология Октябрьских событий в Западной Области.

26 октября (все числа будут приведены по старому стилю) 1917 года Минским Советом был издан приказ о переходе власти в Минске в руки Совета. Председателем Совета был тов. Ландер (теперь Народн. Ком. по Гос. Контролю). Решение это, как и все последующие шаги в Области, было продиктовано Северо.-Зап. Областным Комитетом нашей партии.

Председателем Областного Комитета состоял, также и по ныне, т. Мясников; секретарем—т. Селезнев, нынешний Губерн. Смоленский Воен. Комиссар. Членами Комитета были: т. т. Ландер, Фомин, который теперь состоит заведующим иногородним Отд. В. Ч. К., Алибегов—в настоящее время занимает пост политического комиссара, Щукин, Краснов, Степанов (секретарь Компдебежа) и Громашевский (видный партийный работник).

27 октября образовался военно-революционный комитет Минска и Западного фронта под председательством т. Мясникова и при членах—т. т. Фроймана (теперь в Симбирске состоит комиссаром), Калмановича (комиссар снабжения Западной Коммуны), Ландера и других. Комитет в последствии сильно разросся благодаря пополнению его представителями фронта, а в конце ноября он слился с вновь образованным Облискомзапом.

11 ноября вся власть в Минске, области и на фронте уже принадлежала Революционному Комитету. Главнокомандующий генерал Балуев был смещен, на его место временно до выборов был назначен т. Каменщиков—теперь он работает на фронте. Тогда деятельными работниками ревкома были следующие товарищи: Кривошеин, зажигавший Минский гарнизон; Кнорин, принявший пост редактора „Звезды", после ухода оттуда т. Мясникова в практическую работу; он уже был товарищем председателя Минского Совета; Вигилянский (писатель М. Сторожевский),

служивший живой связью между всеми частями фронта, рабочими организациями—с одной стороны и ревкомом—с другой; Вавер (теперь заведующий отделом Здравоохранения области), заведывающий секретариатом партии; Берсон—Контролер Обл.—издававший польскую „Правду"; Полукаров, герой взятия штаба фронта, ныне он состоит начальником штаба корпуса при В. Ч. К.; еще другие и все члены областного Комитета партии и ревкома.

20 ноября состоялся II фронтовой с'езд, избравший Главнокомандующим фронтом т. Мясникова. В конце ноября, после ряда с'ездов—крестьянского, советского, батрацкого и фронтового,—образовался Облискомзап и создался Совет Народных Комиссаров. Председателем Облискомзапа был т. Мясников, а Совета Наркомов—т. Ландер. Другими Народными Комиссарами были: Просвещения: тов. Громашевский, по Военным делам—Главнокомандующий т. Мясников; Внутренних дел: т. Ландер с помощником т. Резаусским; Промышленности т. Фрейман; финансов т. Феденев с заместителем т. Рейнгольдом; по национальным делам: т. Берсон; Юстиции—т. Пикель; труда т. Алибегов; продовольствия: т. Калманович; Минским городским хозяйством заведывал т. Вашкевич. Дума скоро была распущена. Т. т. Устинов, Белозеров вели „Советскую Правду"; т. Алферов заведывал типографиями Минска.

Наша партия в октябрьские дни в Западной Области и на фронте.

I.

18/5 (по старому стилю) октября прошлого года началась 2-ая партийная конференция в Западной Области. К этому моменту наша партия сильно возросла. На конференции было представлено около 25 тысяч организованных членов и около 32 тыс. сочувствующих.

Бесспорно, всю эту массу нельзя было считать партийной в настоящем смысле этого слова. Среди нее были отдельные группы и личности, стоящие на строго партийной платформе, остальная же масса лишь инстинктивно шла за нашей партией. 95% состава последователей партии состояло из солдат. Если последовать терминологии наших противников, то мы тогда вели за собой деклассированную массу жаждавших мира солдат.

Не следует забывать, что в прошлогоднем октябре наша партия стала вполне народной, массовой в самом широком смысле этого слова. В нее шли охотно все те, кому дороги были интересы мира и земли. В этом отношении среди солдат мы находили самый живой отклик. Но кто такие были эти солдаты? Городские рабочие и крестьяне. Последние даже в октябрьские дни с недоверием относились к нашей аграрной программе. Лишь опыт

захвата земли их заставил признать правильность точки зрения большевиков. Поэтому крестьянская часть солдат не с такой готовностью следовала за большевиками, как это делали рабичие. Из крестьян беднейшие слои, главным образом, были отзывчивы на наши требования. Таким образом, идя во главе многочисленной массы солдат, наша партия отнюдь не переставала быть пролетарской. Она опиралась на передовые части пролетариата, и если она отвечала запросам огромных слоев угнетенных, забитых и обнищавших людей, то этим самым она доказывала свой прелетарский, истинно-революционный характер.

2-ая конференция показала, на сколько большевики в Западной Области—в Минской, Могилевской и Витебской губерниях и на Западном фронте—пустили глубокие корни. Наша партия конкурентов не имела. Сознавая свою ответственность и важность момента, конференция, несмотря на ея многолюдность (присутствовало около 400 делегатов) и серый состав, поставленные перед нею вопросы обсуждала с особенной тщательностью, что удалось ей сделать в полной мере.

Из вопросов дня лишь, два приковали к себе всеобщее внимание: выборы в Учредительное Собрание и отношение фронта к провокации социал-буржуазных партий. Кандидатский список членов учредилки был подвергнут самой детальной критике—сперва в Областном Комитете партии, а потом на конференции. Признанный Комитетом список почти полностью был принят конференцией.

Разложение империалистической армии быстрыми шагами приходило к своему заключению. В связи с этим буржуазия готовилась принять ряд мер. Носились упорные слухи, что солдаты фронта с наступлением глубокой осени бросят фронт. Правительство Керенского, как сообщали секретные данныя, решило позади фронта поставить ударные и казачьи части, которые в случае самовольного ухода частей, должны были их силой оружия задерживать. Вот чем об'ясняется тогдашняя усиленная перегруппировка казачьих частей, расположение их по линии Бобруйск, Минск и Полоцк. Конференция на закрытом заседании решила вменить в обязанность всем партийным ячейкам зорко следить за контр-революционным движением в армии, препятствовать отмежеванию ударных частей, способствовать их уничтожению и усилить агитацию среди казачьих войск.

Работы конференции сказались. Выборы в учредилку прошли блестяще. Из 16 депутатов от фронта мы провели 11 человек, а по Минской губернии из 15, наших прошло также 11. Это самый большой процент по всей стране. В течение одной—двух недель весь фронт уже был в наших руках, миновала опасность дьявольской провокации. По Области симпатии батрацких масс были на стороне нашей партии. Эсеры пользовались только официальной

славой, в виду того, что старые армейские и советские Комитеты, к этому времени уже окончательно оторванные от масс, еще находились в их руках.

Так, им удалось в конце октября созвать С'езд крестьян—солдат фронта—непосредственно от существовавших тогда на фронте эсеровских комитетов крестьянских секций. Конечно, на этом с'езде 90% составили Черновцы. На с'езд прибыл и Чернов, вызванный из Петрограда с целью поддержать падавший социал-патриотический дух „авксентьевских мужичков“. Нашей партией было приложено все старание, чтобы свести на нет работу этого предательского с'езда, стремившегося стать руководящим органом фронтовых солдат. Тяжелая атмосфера царила на с'езде. На долю пишущего эти строки, выпала задача разоблачения всей комедийности с'езда, лицемерия эсеровщины и специально прибывшего на с'езд лидера ее.

Но события сами выполнили эту задачу. 8 ноября (26 октября), когда шло обычное заседание с'езда, получилось известие о падении предательски—авантюристической власти. Под впечатлением и удручающим впечатлением этого известия распустился растерявшийся с'езд, успев лишь принять на тему дня резолюцию, которая явилась лебединой песнью Черновщины на Западном фронте. Приведем следующее характерное место из этой Черновской резолюции: “С'езд солдат—крестьян Западного фронта с глубокой горестью услышал о том, что одна часть демократии вновь пытается в Петрограде захватить в свои руки силой власть... С'езд категорически заявляет, что никому не позволит захватывать силой власть... И сумеет в случае надобности обуздать силой тех, кто не захочет с ним считаться“.

С'езд стал на путь „силы“. Но на словах, как это было привычно соглашательству. Кто шел за ним? Насколько нам известно, после роспуска с'езда многие его члены даже не вернулись в армию, дабы избежать гнева уже восставших солдат. Сам Чернов незаметно скрылся из Минска в Могилев—под защиту Духонина.

Наша партия решила немедленно же взять власть в Минске и на фронте в свои руки. На этом основании 8 ноября (26 октября) Минский Совет издал свой приказ № 1 с об'явлением о переходе к нему всей полноты власти в городе и его окрестностях. Контр-революционный Фронтовой Комитет вызвал в город казачий полк. Тогда большевики ушли из Фронтового Комитета.

Партией был образован Военно-Революционный Комитет Области и фронта, составленный из членов Северо-Западного Областного Комитета нашей партии, Исполкома Минского Совета и представителей армейских Комитетов. Соглашатели ушли из Минского Совета. Партией был дан лозунг: немедленные перевыборы всех Комитетов и созыв фронтового С'езда. Против нас образовался

так называемый Комитет Спасения Революции, образованный из продажных душонок фронтового Комитета, явных белогвардейцев, лакеев—бундовцев и эсэро-меньшевиков. Мы в нем имели двух представителей с чисто рекогносцировочными целями: власть еще не полностью принадлежала Совету.

Одновременно по мановению руки партии все наши наличные силы были брошены на фронт. Через несколько дней область, фронт и Минск находились в наших руках. К 10 ноября по старому стилю мы овладели и последней цитаделью старой власти—штабом фронта.

Громадную, незаменимую роль сыграла наша партия в деле дружного и здорового переворота в армиях фронта. Партия шла впереди масс; ее постановления и решения только определяли направление октябрьского переворота в Области. Не будь большевизма, ее сильной и мощной организации, не будь хорошо налаженного партийного аппарата, мы бы оказались на мели. Все армейские с'езды прошли под нашим партийным знаменем. Грандиозный Фронтовой С'езд 3 декабря (20 ноября), представлявший сплошную массу „серяков" солдат, направлялся твердой рукой Областного Комитета. Все его постановления легли в основу работ с'езда. По указанию партии были намечены организационные планы и руководители Советской работой.

И Облискомзап, народившийся в начале декабря (в конце ноября по ст. ст), был подготовлен, создан организацией большевиков. Дальнейшая работа Облискомзапа и фронта, это—живая, творческая деятельность партийных органов Области. Говорить о ней, значит раскрыть страницы истории Советов Области. Но это не входит в наши задачи. О нем читатель узнает в специальных статьях нашего сборника.

А. Мясников.

Октябрьская революция и революционный Комитет Западн. Области и фронта.

К началу Октябрьской Революции в Западной Области, в центре ее—г. Минске были сосредоточены все крупные военные и общественные организации. Тут был знаменитый Штаб Западного фронта с генералом Балуевым, главнокомандующим фронтом во главе, при Комиссаре Соглашательского Правительства Керенского господине Жданове—власть которых распространялась не только на фронт, но и на весьма глубокий тыл. Балуев—Жданов представляли не только военную, но и гражданскую власть, ибо они имели права, не отмененные февральской революцией, еще установленные царем. В то же время, как выборный орган при

Штабе (как это мыслили Балуев — Жданов, и как бы независимый—как это полагали члены Комитета) существовал выбранный еще в апреле м-це 1917 года Исполнительный Комитет Западного фронта „Искомзап".—Тут же в Минске был и городской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Физиономия этих трех крупных органов была такова: Штаб фронта—контр-революционное гнездо старых генералов и прочей своры погоно-эполеточных мерзавцев, мечтавших о возвращении к монархии, и рядом с ними Комиссар Жданов—меньшевик, всецело шедший на поводу у Балуевых и К-о, беря пример со своих старших соглашателей из центра Керенского—Церетелли, шедших на поводу у Коновалова — Терещенковых и К°.

Второй орган «Искомзап» в большинстве своем был соглашательский, где преобладали эс-эры. Наших товарищей было всего 10 человек. „Искомзап" во всей своей деятельности не имел определенной линии. Часто менял свои позиции, то вынося резолюции против войны, то за ее продолжение. Часто ссорился с Главнокомандующим, но при весьма осторожном посреднике господине Комиссаре Жданове, трения сглаживались и отношения налаживались.

В мою задачу не входит давать его подробную характеристику, а потому ограничусь тем, что скажу: „Искомзап" часто протестовал, выносил даже громкие резолюции, а на деле, как добрый сынок, все же слушался папаши Керенского—Балуева.

Третий орган—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов был к октябрю—революционной цитаделью не только в городе, но и всего Западного фронта и всей прилегающей полосы (Минской и частью Могилевской и Витебской губ.). Большинство Исполкома были большевики и многое пришлось бы сказать о его крупной роли в истории революционного движения на фронте. Подготовка Октября на фронте велась нашей партией во всей широте: поездки товарищей на фронт, посылка целыми тюками литературы, листовок, воззваний и пр. в окопы, связь с товарищами на фронте и т. д.—давали нам полную уверенность, что весь фронт в любой момент пойдет за нами, за исключением весьма малой части (кавалерийских, казацких частей), находившейся под влиянием соглашателей. К началу переворота на фронте велась уже кампания за выборы в пресловутую учредилку. Эс-эры готовились к бою. И вот для этих целей они созвали в 20-х числах октября фронтовой с'езд солдат-крестьян (теперешних кулаков), на которых они и полагали опереться. На этот с'езд прибыл сам лидер эс-эров „селянский министр", а ныне белогвардеец чехо-словацкий бандит Чернов. Утром 26-го октября была получена „Искомзапом" радостная для нас, меньшинства, и печальная для большинства весть о перевороте в Петрограде. Сведения были весьма смутные, неясные: одна телеграмма противоречила другой, но мы отлично

понимали, что наши товарищи в Петрограде борятся и что может быть льется кровь рабочего класса на улицах Петрограда. „Искомзап“ собрался быстро для выяснения своего отношения. Тут говорилось долго и много. Чернов и пр. братия, начиная от нынешних интернационалистов и кончая нынешними белогвардейцами, жестоко обрушились на нее. Какими только именами не называли нас? И авантюристами, недоучками, и предателями революции и даже контр-революционными пособниками и. т. п. Часть из наших товарищей (другая была в то время в Минском Совете), отбивалась изо всех сил. Наконец дошло дело до резолюций; перерыв, фракции обсуждают: Этим временем в революционной цитадели—Минском Исполкоме шла работа. Без резолюций товарищи быстро вывели на улицу, запасные части освободили солдат из тюрем, сидевших за агитацию на фронте (как тогда их называли „политических“), вооружили их, открыли склады с оружием и с широко-развивающимися знаменами и лозунгами нашей партии двинулись по улицам города об'явив власть Совета в городе. В Искомзапе писались резолюции, вдруг музыка, марсельеза — движение Минского Совета. Соглашатели растерялись. Сначала не знали, что делать. Одни были склонны примириться с фактом захвата власти. Другие более решительные „старые революционеры“ спохватились, открыли снова заседание и с места в карьеру решили сражаться с большевиками. Немедленно отправилось несколько контр-революционных „Искомзапцев“ в кавалерийскую часть, стоявшую в нескольких верстах от Минска, и привели ее в город. Надо сказать, что в кавалерийской части не все было благополучно. Часть была за нами, но во главе ее стоял командир и Комитет целиком, готовый сражаться за соглашателей. Минский Исполком, не желая вступать в бой впредь до уяснения положения в центре и на фронте, решил избрать технический путь, дабы действовать на-верняка. Начались переговоры. В результате создается „Комитет спасения революции“—на условиях: не пропускать казацких частей с фронта в Питер и впредь до выяснения положения власть сосредоточить исключительно в Комитете. Из Искомзапа все товарищи-большевики перекочевывают для активной работы в Минский Исполком. Тайком от соглашателей, мы собираемся и решаем организовать Революционный Комитет Западной Области и фронта („Ревкомзап“). Первой своей задачей Ревкомзапа было организовать части в Минске и на фронте. В то время, когда „Комитет спасения революции“ превратился в говорильню, где спорили о пропуске частей с фронта в Питер, где спорили о разоружении политического отряда (чего особенно хотели эс-эры и меньшевики) и т. п., у нас в Ревкомзапе шла лихорадочная действенная работа. Несколько ответственных товарищей выехали на фронт, в части, где были крепости боль-

шевизма, быстро связали их непосредственно с Ревкомом, дабы по первому сигналу выступить на защиту революции. Ревком, видя перевес в силах и невозможность дальнейшего соглашения (мнимого) с контр-революционным большинством Комитета спасения, решил вести части, броневики и бронированный поезд с фронта в Минск, что и было сделано. Тотчас, как части прибыли в Минск, Ревкомзап об'явил себя властью в городе и на фронте, распустил Кимитет спасения, подчинил себе весь гарнизон, поставил в Штаб фронта и во все учреждения и управления (почтовые, банки, казначейства и пр.) своих комиссаров, отстранив всех старых, арестовал Жданова и многих об'явленных контр-революционеров и отправил их в Питер.

В Ревкомзап создаются следующие отделы: 1) Гражданский, 2) Военный и 3) Гарнизонный.

Первый берет в свои руки—губернское Правление, телеграф и почту, суды, короче, во всех учреждениях гражданского типа устанавливают свою власть; организует по области Ревкомы, рассылает эмиссаров, устанавливает связи с центром: Питером и Москвой, разрешает конфликты, ведет борьбу с право-эс-эровской управой и думой.

Второй—военный Отдел подчиняет себе Штаб фронта, назначив временным Главнокомандующим, впредь до выборов нового, своего товарища, устанавливает связь с фронтом, организует части на фронте для отправки в центр, посылает агитаторов на фронт, направляет работу Комитетов на фронте, открывает контрреволюцию на фронте и производит аресты офицеров.

Третий,—гарнизонный подчиняет все себе части гарнизона, комендатуру, милицию, вводит военное положение, устанавливает порядок в городе, держит все время части в боевой готовности, охраняет склады, вливает новые части, приходящие в Минск с фронта, усиливая гарнизон. Ревкомзап в целом правильно учитывал и общую ситуацию. Когда Ревкомзап узнал, что в центре есть течение за соглашение с так называвшимися социалистами, он протестовал и послал резолюцию, что фронт требует не вступать ни в какие соглашения. С первых дней в соглашательскую думу был послан также Комиссар, который следил за ее работой. Также правильна была точка зрения Ревкомзапа на национальные части. После выступления польских легионеров в 20-х числах ноября в Минске, подавленных с быстротою молнии, Ревкомзап настаивал на насильственном розоружении всех польских легионеров. И ставка не стала на нашу позицию. Тов. Крыленко свел их в треугольник, который потом при наступлении немцев, сыграл свою контр-революционную роль и с которым пришлось потом Штабу Фронта и Ставке вести отчаянную борьбу. Последней задачей Ревкома был созыв Фронтового С'езда и Областного С'езда,

которые слились и создали „Облискомзап“ и Совет Народных Комиссаров Западной Области и Фронта, которым и передал власть Ревкомзап. Надо сказать, что празднуя годовщину Октябрьской Революции в нашей западной Области, ныне Коммуне, мы должны отметить заслуги Ревкомзапа перед революцией. Решительно, смело Ревкомзап стоя во главе солдатских и рабочих масс, вел их по пути пролетарской революции и он может гордиться своими наследниками—Советскими органами всей Коммуны, ныне празднующих свою победу за Мировую Революцию.

Калманович.

Солдаты и Октябрь 1917 года в Западной Области.

До Июне-Июльского наступления Керенского, Солдатские массы Западного фронта (Области), руководимые соглашательскими меньшевистско-правоэсэровскими Армейскими Комитетами, можно сказать, находились в угаре социал-шовинизма и были определенно враждебно настроены против идей революционного социализма.

Счастливые исключения отдельных мест, как наприм. города Минска, где гарнизон руководился истинно-революционным Минским Советом Рабочих и Солдатских депутатов для общей характеристики настроения солдат западн. области того времени, ввиду незначительности его состава, сравнительно с многочисленным составом армий Западн. фронта принимать во внимание не приходится. Меньшевики и правые эс-эры, будучи всюду господами положения, имея в распоряжении все к своим услугам, вплоть до даровых агитаторов из среды генералов, как в сюртуках так и в мундирах развили в то время максимум энергии, для затемнения масс. Работа же наших представителей Революционного социализма—большевиков была поставлена в крайне тяжелые условия и потому была, можно сказать, в зародыше. Открыто пропагандировать идеи большевизма в массах, на местах нельзя было, приходилось вести работу подпольно; наши газеты на места не допускались и конфисковывались. Наши товарищи на местах арестовывались и расстреливались. Работа наша в Комитетах, где мы были единицами ограничивалась только внесением той или иной контр-резолюции в противовес соглашательской, которая значения почти никакого не имела, так как солдатских масс, при отсутствии своей прессы, не достигали.

Толчком к отрезвлению солдатских масс послужило пресловутое наступление Керенского и июльское восстание рабочих Петрограда. Фронтовик определенно потянулся к нам, большеви-

кам; смекнул, кто враг его, а кто друг. Все россказни буржуазии и их наймитов, что „большевики—агенты Вильгельма", что „большевики погубят Революцию и т. п." не имеют успеха, время, так сказать, втирания очков проходит. Солдаты Западн. Области с этого момента начинают заинтересовываться: Чего хотят большевики? Наш Минский Комитет партии с этого времени начинает вести более или менее плодотворную работу. Ходоки с фронта бредут в ближайший Центр-Минск; учреждаются наши партийные ячейки в частях, устанавливается прочная связь с местами и т. д. Противники тоже не дремлют, усиливают репрессии; расстрел наших товарищей в полном ходу; арестованных солдат в тюрьмах Минска и других городов тысячи. Но ничто не может остановить исторического хода событий. Жестокие преследования не останавливают притока солдатских масс в наши ряды. Областные конференции нашей партии следуют одна за другой; число представляемых с каждым разом все увеличивается. Северо-Западный Областной Комитет нашей партии совместно с Минским комитетом развивает максимум энергии и к октябрю месяцу число ячеек нашей партии в Западной Области достигает количества четырех сот. Издается своя газета, популярные брошюры и листовки выпускаются на фронт в миллионах экземплярах и т. д.

Октябрьский переворот застает в Зап. Области такую картину: массы, большинство солдатских и низших армейских комитетов с нами; высшие армейские комитеты, состоящие в подавляющем числе из социал-предателей против нас.

Поэтому, когда дошли до Зап. Области сведения об Октябрьской революции, об изданных декретах о мире и земле, большинство солдат охватил энтузиазм, который трудно себе представить: митинги, шествия с музыкой, революции с выражением полного доверия Советскому Правительству, с желанием итти в Петроград на защиту его. Высшие же армейские Комитеты встретили эти известия со скрежетом зубов. Создание Комитетов, „спасение революции" извращение фактов, наглое вранье, полное недоверие Рабоче-Крестьянскому Правительству с желанием отправить темные, несознательные войсковые части в Петроград для свержения его. в Минске, в Центре Западн. Области создалось с одной стороны Военно-Революционный Комитет, оперявшийся на большинство рабочих и солдатских масс, и с другой стороны, комитет „спасения" Революции (лучше сказать, контр-революции), опиравшейся на комитеты армии и на некоторые, несознавшие своих интересов, части. Борьба между этими комитетами, которые кстати сказать, безкровная, закончилась поражением социал предательского Комитета к седьмому числу ноября месяца; к этому же времени оборонческие комитеты корпусов и всех трех армий западного фронта на экстренно-созванных с'ездах были распущены.

Постепенно, затем также нами были распущены все Комитеты «спасения революции» и в других городах Западн. Области, где таковые по распоряжению соглашательского Комитета Западн. Фронта возникли. Закрепил нашу победу в Западной Области с'езд армии Западного Фронта, состоявшийся 20 ноября в Минске и выбравший Комитет из 100 человек: 80 большевиков, 10 левых эс-эров и только 6 правых эс-эров и 4 меньшевика, доказавший всем, что солдат прозрел, что солдатская масса понимает, что Советская власть—их собственная власть, что дело революции и мира находится в их собственных руках.

Октябрь месяц 1917 года застал солдат Западного фронта (области) оторванных от сох и станков, от хижин и семей, измученных кровавой бойней, голодом и холодом, не прежней „серой скотинкой", которую можно гнать, по тому или иному приказу империалистов и их холопов меньшевиков и правых эсеров на своих же братьев рабочих и крестьян других стран, а уже людей, более или менее осознавших свои интересы, смыкающих свои ряды, что-бы итти единой, стройной фалангой и бороться за освобождение труда против вековых поработителей трудящихся—капиталистов всех стран.

Селезнев.

Деятельность фракции Фронтового Комитета.

Крупную роль сыграла в захвате власти в Минске и на фронте большевистская фракция старого, соглашательского фронтового комитета армий западного фронта, из 60 человек коего большевиков было 10 человек. Они в октябрьские дни ушли из комитета на фронт и в Минский Совет, чтобы взорвать гнусную, предательскую работу комитета. Здесь приводим обращение нашей фракции Западно-фронтового Комитета к солдатам фронта, сделанное ею от 2 ноября 1917 года.

Ко всем солдатам фронта.

Т о в а р и щ и!

Мы шесть месяцев сидели в Исполнительном Комитете армий Западного фронта. Мы работали там во имя заветных стремлений солдат, пролетариата и революционного крестьянства, и за эти шесть месяцев работы мы беспрерывно боролись с засевшими в комитете не-демократическими, оборонческими и соглашательскими элементами, правда, комитет временами под нашим сильным влиянием принимал решения демократического и революционного ха-

рактера; например, одно из таких постановлений — резолюция, вынесенная комитетом в июньские дни была направлена против войны и политики наступления. В частности эта резолюция в свое время подняла в глазах фронта авторитет Комитета. Но, несмотря на это, вся общая политика Фронтового Комитета шла в разрез с интересами солдатских масс.

В те же июньские дни комитет под давлением сторонников Керенского принял противоположную резолюцию о наступлении, после чего комитет бросился на фронт с целью поспособствовать наступлению.

Когда наступление не удалось, и на фронте начались притеснения солдат, расформирование полков, аресты комитетов и солдат, фронтовой комитет ничего не предпринимал против всего этого. Наоборот, он поддерживал Временное Правительство, развивал политику гибели революции, преданий солдат. В последнее время нашей фракции приходилось против не-революционной политики фронтового комитета вести самую отчаянную борьбу. Как раз перед восстанием в Петербурге в фронтовом комитете образовалась довольно многочисленная группа сторонников диктатуры Керенского и буржуазии. Фронтовой комитет даже высказался против с'езда Советов, что было логическим последствием всего его поведения по отношению к роли Советов и в частности Минского Совета, к которому большинство фронтового комитета питало враждебные чувства.

Петроградское и вслед за ним всероссийское восстание рабочих, солдат и крестьян, наконец сняли маску с лица фронтового комитета. Комитет резко и решительно выступил против восстания, против Советов. Не достаточно этого: для подавления Минского Совета и гарнизона, Фронтовой комитет обманным путем вызвал в город вооруженные конные части, взял под свое покровительство штаб и бывшего комиссара Керенского г. Жданова, занял по отношению к Минскому Совету враждебную позицию и образовал так называемый комитет спасения революции, пригласив в его состав в большинстве контр-революционные, не демократические и умеренно-демократические элементы; комитет, который в сущности стал комитетом предания революции.

Мы открыто заявляем, что в эти ответственные дни русской революци, Фронтовой Комитет предал Минский Совет и Военно-Революционный Комитет, он предал фронт, он предал Советы, предал революцию. Он временно спас контр-революционное гнездо фронта—штаб, спас агентов Керенского, его комиссаров. Такой Фронтовой Комитет не может считаться представителем солдат фронта. Это—представительство ложно искаженное.

Теперь на фронте в солдатских организациях совершается целый переворот. Комитеты, несоответствующие настроению масс,

опрокидываются. Власть берется в руки солдат, которые создают свои революционные Комитеты, фронт преобразовывается; он сообразно своему революционному содержанию создает и революционные формы своего бытия.

Мы члены Фронтового Комитета, в количестве 10 человек, составляющие часть Комитета, одну из его фракций—большевистскую, обязанные быть и бороться вместе с революционными солдатами и не желая обманывать их, оставаясь в рядах такого не-революционного органа, как Фронтовой Комитет, через его голову обращаемся к фронту с призывом теснее сомкнуть свои ряды, дружнее закончить свое дело и революционные волны фронта докатят до мертвых берегов гнилого Фронтового Комитета. Долой Фронтовой Комитет, да здравствует новый революционный Фронтовой Комитет!

Товарищи! Перед Западным фронтом стоит задача: поскорее созвать фронтовой с'езд, в самом ближайшем будущем, для организации революционного фронта, для создания революционного органа фронта.

За работу товарищи! Время созыва с'езда определят новые революционные армейские комитеты, как только они окончательно оформятся, а пока—революционная работа, революционное творчество.

Да здравствует великая русская рабоче-солдатско-крестьянская революция!

Да здравствует социализм!

Большевистская фракция Фронтового Комитета —. Члены: А. Мясников, М. Калманович, Н. Кривошеин, В. Селезнев, С. Могилевский, П. Полукаров, М. Апетер, С. Щукин, Л. Громошевский, В. Фомин. 2 ноября 1917 г., Минск".

Мои воспоминания.

Это было в Минске. О, хороший Минск!.. Сколько воспоминаний в тебе! Сколько бессонных, тревожных ночей пришлось провести; сколько восторга и радости пережито. Неужели ты в настоящий торжественный день, день радости бедняцкой власти смотришь безучастно в нашу сторону?

Мне вспоминается Петроградская улица, дом № 6.

Дождливый октябрьский день. В здании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов пусто, безлюдно. Нас только трое: Митя Вавер, Ваня Алибегов и я. Первый—молодой работник, как и я, второй—повидавший и немало поработавший на своем веку, перепортивший порядочно крови в борьбе за свободу. Все осталь-

ные советские работники там, где-то за работой тяжелой. Что завтрашний день несет—неизвестно, настоящее же тревожно.

Соборная площадь занята Керенскими войсками—кавалерией. Пулеметы направлены против Совета. Сейчас должно совершиться что-то... Что?.. Неужели победа будет на их стороне?.. Неужели Советская власть падет?..

Время переживали тяжелое. Опоры, надежной опоры, в то время еще не чувствовалось. Крестьянин совсем ни в чем не разбирался. На классовую борьбу он смотрел не иначе как—паны дерутся, а у мужиков чубы трещат, и наблюдал за всем происходящим безучастно. Солдат не разбирался, но он был наэлектризован: ему хотелось скорее кинуть опротивевшие ему окопы и в каждом ораторе он видел своего избавителя.

Этим Керенские и разные другие подхалимы богачей пользовались и натравливали солдата на истинных защитников бедноты—большевиков.

— Стой!.. Уже стреляют... О, к чему, к чему все это?—замогильным голосом проговорил Ваня. Неужели переговоры ни к чему не привели?—Вы думаете я трушу?—обратился он к нам. О, нет... Нас здесь трое... Мы охраняем Совет... Через несколько минут быть может „те" придут и нас растерзают. О, я покажу вам, как я люблю революцию, я с гордостью взгляну смерти в глаза. Но то... Это все пустяки... Мне жалко сил... Рабочих... Ведь самый сознательный элемент сложит головы. Вот что меня волнует, вот что вызывает мой стон.

Ну вот и товарищ Кривошеин. По обыкновенню он весел.

— Ну, что? Как?.. Стреляли?.. Много жертв?.. Каково, каково положение?

— Вам почудилось... Ни одного выстрела, отвечает тот. Ведутся переговоры... Наши части настроены, как нельзя лучше... Одно слово и—все в порошок...

О, как легко вздохнулось. Обошлось без крови...

* * *

Передо мною тревожно, без сна, проведенные три ночи, когда Керенский со своими лакеями—Ждановым подбирались к Советской власти через комитет спасения революции. Мы работали и день, и ночь. День среди солдат, ночь на заседаниях. Спали где только „сковырнешься". Глаза иногда смыкались во время заседания. Обыкновенно ночь несла нам тревоги.—Эшелон приехал, вбегая говорил товарищ комиссар Александровской ж. д. Смирнов. Куда направляется—узнать никак нельзя... Солдаты заперты в вагонах, офицеры не говорят и держат себя вызывающе...

— Узнать во что бы то ни стало!.. Вавер... Козонолянский —живо!..

— Газет побольше захватите!..

Мы мчимся... Жутко... Перед нами раз'яренная масса. Осторожно как бы никакого внимания не обращая, бродишь около вагонов. Куда, товарищ едете?.. Ого, не отвечает... дело серьезным пахнет... Новый солдатик. Куда товарищ направляетесь?.. А кто знает... Посадили, везут... а куда? Довезли до одной станции, повернули обратно, теперь вот сюда привезли.

— Вы товарищ за советскую власть?..

— А то как же?..

— Но как же вы не знаете против кого вас везут... Быть может против советов?..

Кругом нас растет толпа. Офицеры замечают и торопят машиниста. Поезд трогает. Читайте газеты, кидая в вагоны листовки и газеты,—кричим мы.

Веселыми возвращаемся в Совет. Дело сделали и немалое. Мы уверены, что черным воронам с офицерскими погонами недовезти солдат до намеченного пункта; они офицеров или переколят, или же сами разбегутся по домам.

Не забыть тех бессонных ночей: много пережито, немало передумано. Одно еще не изгладимо. Как то комитет спасения революции пронюхал об одном нашем постановлении. Товарищи всполошились. Какими путями перенеслось туда? Невольно подозрительно осмотрели друг друга. Я покраснел. С детства сохранился такой болезненный недостаток. Немало пришлось пережить неприятных минут из за этого недостатка в школьнические годы. Товарищи приняли меры предосторожности. Выделили несколько человек и образовали из них особый „штаб“. Последние заперлись в отдельную комнату. Извольте проникнуть к ним! Лица у всех товарищей тревожные. Чувствуется, что творится что то, а узнать не от кого. Удалось как то просунуть нос в „секретную“ комнату. Нельзя, нельзя... да нельзя говорят!.. Секретное заседание... Это мне нельзя, думаю. Я кинул ради революции жену, детей, полюбил другую, которая разделяет со мной мои мысли, горе, радость октябрьских дней... Помню вспылил и весь пыл вылил на голову товарища Алибегова.

Вспоминается темная ночь. Тесный кружок Советских работников, состоящий исключительно из большевиков. У всех на уме: как пройдет арест главнокомандующего Западным фронтом Балуева, последней опоры соглашателей этого фронта. Дверь с шумом раскрывается. Готово!.. Весь штаб в наших руках!.. Без единой жертвы!.. Только Балуева чуть было кондрашка не хватил... пришлось стаканом воды отхаживать...

* * *

Но вот последние дни в Минске, дни власти большевиков. В воздухе носится: „власть большевиков долго не продержится“.

Зимний городской театр переполнен публикой. Тысячи пол–

торы слушателей. Котелки и бывшие офицеры рычат. На сцене горделивая фигура товарища Мясникова. Он читает лекцию: „Удержат ли большевики власть“. Гвоздь за гвоздем вколачивает лектор во взбешенные головы буржуев.—„Быть может вы пригвоздите нас к столбу, но знайте, от этого власть большевиков, власть советов не умрет“—заключает свою лекцию товарищ Мясников.

Разве не сбылось, беднота, сказанное? Разве мы это сегодняшний день не чувствуем, празднуя годовщину октябрьской революции?

Крикнем же, беднота, да здравствует власть рабочих и беднейших крестьян так громко, чтоб эхо раскатилось по всему земному шару и разбудило бедноту всех стран.

М. Сторожевский.

Октябрьский переворот в Смоленске.

(Из воспоминаний участника).

Было бы правильнее назвать эту заметку „Ноябрьским переворотом в Смоленске“, т. к. события у нас разыгрались в первых числах ноября по старому стилю. Произошло это вследствие целого ряда неблагоприятно сложившихся обстоятельств, в частности потому, что недавно лишь закончились перевыборы в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Получившие большинство коммунисты не успели еще освоиться с органической работой Совета и когда меньшевики и правые эс-эры ушли из Совета, вернее тихонько улизнули в Думу под крылышко Курнатовского и Розенфельда, в Совете чувствовалась некоторая растерянность, которая вскоре, конечно, исчезла, но все же не могла не отразиться на общем положении дел.

Момент восстания был упущен. Весь город находился в руках казаков, гарцовавших взад и вперед по улицам города и находившихся в распоряжении „Комитета Спасения от революции“ и штаба Московского Военного Округа.

В довершение всех бед целый ряд наших лучших товарищей находился в от'езде, почему до возвращения наших делегатов со II-го Всероссийского С'езда Советов активных выступлений в Смоленске не предпринималось.

Весь город раскололся на два лагеря: центром одного был заседавшие в думе „Комитет Спасения революции“ в тесном контакте с царскими генералами Военного Штаба, обладавшего вооруженной силой в виде нескольких казачьих сотен при моральной поддержке Смоленской буржуазии и обывателей.

Другой лагерь группировался из заседавших в Совете большевиков и нескольких отколовшихся от партии левых эс-эров и состоял из рабочих гор. Смоленска и гарнизона, заблаговременно почти обезоруженного предусмотрительными генералами.

Военные действия открыл „Комитет Спасения Революции", изменническим образом обезоружив нагло 2-ую Авто-роту и отобрав около 40 пулеметов. Интересно то, что во главе шайки казаков, совершивший это славное дело, стояли правые эс-эры Подвицкий и Бухштаб, которые от имени Совета приказали сдать оружие, чем ввели в заблуждение революционных солдат авто-роты.

Увидя, что военные действия открыты, Совет стал готовиться к вооруженной стычке. В здании Совета (быв. Губернаторский дом) были привезены все, имевшиеся в нашем распоряжении пулеметы, всего числом три, доставлены винтовки, ручные бомбы, патроны. Удалось раздобыть миномет и бомбомет. Патронов и винтовок было очень мало.

Это было 2 ноября. В Совете происходило Гарнизонное собрание. Видно было, что „Комитет Спасения Революции" решился на серьезные шаги. Телефоны Совета были выключены из сети. Наконец явилась делегация от Комитета, которая в ультимативной форме предложила тем в 15 минут сдаться, под угрозой начала военных действий. Несколько наших товарищей были вызваны на Блонье для переговоров и там предательски арестованы. Спешно начали готовиться к отпору. Еще не истек 15-минутный срок, а мы были уже готовы. Решили отвечать лишь после пятого залпа. Связь с гостями была порвана. Совет был изолирован, со всех сторон окружен казачьими цепями, телефоны— выключены. В дело казаки ввели 5 сотен, и пять пулеметов. В 10 часу вечера срок истек, но казаки не торопились открывать огонь. Не верили, что мы окажем сопротивление.

Когда стало ясно, что мы не в шутку решились драться, казаки сделали залп.

Мы молчали.

Казаки подождали, дали второй залп, опять после паузы залп, четвертый, пятый.

Мы начали отвечать.

Патронов было мало. Берегли, не стреляли зря. Затакал наш пулемет, и каменные стены здания усиливали это таканье, от которого болезненно ныли уши. Недурно работал и второй пулемет.

Помню момент: густую завесу ночного мрака прорезали два луча автомобильных прожекторов и прямо против Совета близко— близко остановилась машина.

Кто-то вошел из нас и направился на Блонье, а машина, как ужасное какое-то чудовище своими огненными ослепляющими

глазами освещала окна Совета. Это чудовище олицетворяло в себе всю угрозу наших врагов. По крайней мере так это нам казалось и мы сосредоточили на нем всю свою ненависть. Каждому хотелось во чтобы то ни стало подбить фонари машины. Вот и наши товарищи, бывшие на дворе, не стерпели и пустили из бомбомета бомбу, которая разорвалась не далеко от автомобиля. Мишина моментально погасила фонари и полным ходом умчалась при нашем ликовании. Пустили в ход и миномет. Мина разорвалась на крыше Контрольной палаты близь Думы, разворотив крышу и вызвав панику среди „Комитетчиков".

Наши батареи, услышав выстрелы, поняли, что надо притти на помощь Совету. Не успели они выпустить несколько снарядов по Думе, как казаки прекратили огонь, и явились делегаты из Думы.

Да какие сговорчивые! Сильно напугала их артиллерия. Мучительно долго тянулись переговоры. Усталые собирались мы группами и обменивались впечатлениями ночи. Решимость бороться до конца лишь усиливалась. Наконец в седьмом часу утра было заключено перемирие—„Комитет спасения революции" освобождал наших товарищей, убрал все казачьи цепи и патрули, а днем был заключен мир.

Вся власть в городе вручалась Комитету Общественной Безопасности из представителей Думы и Совета, а через несколько дней Совет об'явил этот Комитет распущенным и взял всю власть в свои руки.

Год Советской работы сам говорит какая великая победа была одержана в те дни Смоленским пролетариатом.

Участник.

Год власти в Западной Области.

Процесс перехода власти к Советам в Западной Области, т. е. губерниях: Могилевской, Витебской, Минской и части Виленской, начавшийся в дни Октябрьской Революции, протекал чрезвычайно быстро и уже спустя неделю завершился во всех более или менее крупных центрах торжеством Советской Власти. Сила и влияние наших партийных организаций сделали почти безболезненным переход власти к Советам, и огромное значение сыграл фронт. Близость фронта оказала двоякое влияние на все течения этого процесса; солдатские массы, часто посещаемые нашими агитаторами, следившие за нашей печатью, организованные в наши партийные ячейки, сильно способствовали пробуждению классового самосознания в деревне и правильному уяснению так-

тики и принципов революционного социализма. Во дни выборов в Учредительное Собрание сказались плоды этой работы, когда деревня отдала партии большевиков больше 70% своих голосов. А с другой стороны самый процесс борьбы за власть чрезвычайно обострялся тем, что штаб Западного фронта во главе с генералами и комиссаром Временного Правительства Ждановым, имел в своих руках весь аппарат командования, приказов и технической связи и располагал крупными вооруженными массами. К тому же генералы опирались на сплошь оборонческие армейские и низшие Комитеты, со всех трибун громивших большевиков и ведших самую оппортунистическую и предательскую линию. Но ход революции предрешил исход борьбы в пользу пролетариата и беднейшего крестьянства, и к началу Брестских мирных переговоров власть в Западной Области переходит к рабочим и крестьянам. Фронтовой с'езд в Минске, состоявшийся в ноябре, обнаружил истинное лицо армии и нанес первый сокрушительный удар господству старого генералитета и офицерства, избрав из своей среды главнокомандующего и фактически осуществив полную демократизацию армии. С'езд крестьянства области проходил под знаком торжества Советской власти, и с'езд крестьян и солдат Западного фронта, на котором прежде торжествовал Чернов, оказался ярко большевистским. Все эти с'езды обнаружили, как глубоко Октябрьская Революция вспахала народные массы, с какой быстротой ея лозунги проникали в самую гущу, в самую толщу трудящихся масс.

На основе этих с'ездов и выделенных ими Исполнительных Комитетов и сорганизовался Областной Исполнительный Комитет Советов Западной Области и фронта—высший орган краевой власти. Целый ряд задач встал перед Областным Центром: борьба за укрепление Советской власти и разгром сил контр-революции, организация Советов в области, инструктирование образовавшихся Советов, поддержка связи с ними, проведение в жизнь декретов Центральной власти, издание декретов и приказов местного характера, мероприятия по демобилизации армии. Для более успешного и плодотворного хода всей органической работы Областной Комитет избрал первый Областной Совет Народных Комиссаров, построенный в областном масштабе по образцу Центрального Совета Народных Комиссаров, Областной Совнарком, тотчас же занялся организацией всей хозяйственной жизни Области, демобилизацией фронта и учреждений, связанных с фронтом: Земсоюза, Земгора, Согора, Техностроя и т. д. и т. д., питанием и инструктированием Советов, борьбой с польской контр-революцией и попытками белорусских буржуазных националистов захватить власть в свои руки. Выделенный областным центром Комиссариат Народного Хозяйства направил свою работу на учет и рациональ-

ное использование того огромного имущества, которое было сосредоточено в прифронтовой области и свезено со всех концов России. Предстояло ликвидировать все общественно-технические организации, сохранить их живые работоспособные части, приспособить эти части к нуждам мирного труда и хозяйства. На это нужны были огромные суммы, так как эти организации обслуживались стотысячными армиями рабочих, ежедневно поглощавших миллионы денег. Сразу же пришлось столкнуться с грандиозным саботажем интеллигенции, что послужило огромным тормазом в этой работе. Главные Комитеты этих организаций упорно не признавали Областного Совнаркома, не желали работать и подчиняться уполномоченным Областного Совета и дошли до настоящих забастовок. Но тем не менее ликвидация шла, поглотила около 15 миллионов рублей и дала стране десятки тысяч освободившихся рабочих рук. Что было сделано для демобилизации фронта? Она проводилась усиленно, и работа, проделанная штабом Западного фронта под руководством главнокомандующего дала большие результаты. 18 февраля уже была вывезена вся тяжелая артиллерия, почти вся авиационная часть, 60% легкой артиллерии, огромное количество снарядов, взрывчатых веществ и инженерного имущества; было снято с фронта и отведено в глубокий тыл около 25% всех пехотных полков, со своим имуществом и $^1/_{12}$ (приблизительно) легкой артиллерии. Не вполне использованы были лишь лошади. В виду полного отсутствия фуража, они гибли в громадном количестве, хотя и не малое количество было комиссариатом Земледелия совместно с Комиссариатом Народного Хозяйства роздано бесплатно крестьянам.

Вследствие крайнего недостатка подвижного состава, абсолютного неполучения его из России, нельзя было эвакуацию производить интенсивнее. Транспортная разруха сыграла тут решающую роль в смысле тормаза для всей разгрузочной работы. Прикрепленное же на месте огромное имущество было об'явлено в ноябре 17-го года национальной собственностью. Всевозможные товары складов Земсоюза, Земгора и т. п., большое количество кожевенных товаров до последнего момента оставалось на месте, и, конечно, досталось неприятелю.

Интенсивность работы по эвакуации и разгрузке фронта и около фронта могла бы быть при известном напряжении сил увеличена, если бы не общее политическое настроение и те успокоительные вести, которые неизменно поступали из Питера на запросы и обращения о положении области и фронта в случае наступления немцев. Торопиться как будто было бы нечего и Советская власть продолжала спокойно работать, проводя в жизнь целый ряд начинаний, Комиссаром Финансов проведены были два декрета о налоговом обложении, давшим несколько миллионов по

области. Последний декрет не был выполнен полностью, так как грянуло немецкое наступление. Ряд декретов о взимании судебных пошлин с гражданских истцов, о пошлинах с имуществ, переходящих безвозмездным способом, об организации судов в области, был издан и проведен в жизнь Комиссариатом Юстиции. Проведена была национализация ресторанов, кофейных и проч. и созданы первые в России Советские столовые, национализированы театры, создан Совет искусства всей области, организован народный университет, социализированы аптеки, назначены Комиссары над всеми банками, подчинено казначейство, реорганизована Казенная Палата, проревизованы сейфы; был сделан целый ряд практических шагов, которые, правда, прочнее всего закреплялись в пределах Минской губ., но которые концентрическими кругами начали распространяться и по всей области. В целях охраны предметов старины и искусства, в огромном большинстве своем принадлежавших польскому народу, был издан особый декрет, гарантировавший их неприкосновенность. Наконец, Областной центр повел беспощадную борьбу сперва с притязаниями буржуазной Белорусской Рады на власть в Белоруссии, а потом с организовавшейся польской контр-революцией в лице легионов генерала Довбор-Мусницкого.

Белорусские националисты-идеологи белорусского кулачества и слуги белорусских помещиков,—формально признавшие Советскую власть, фактически делали все, что было в их силах, чтобы разжечь в белорусских рабочих и крестьянах шовинистический угар и расколоть массы, об'единившиеся вокруг Советов. В результате подтасованных с'ездов, они создали таким путем Белорусскую Раду. Всебелорусский с'езд стал в явную оппозицию к Советской власти и пытался даже об'явить себя высшей властью в Белоруссии. Этот с'езд явно подтасованный белорусскими помещиками и их мелко-буржуазными лакеями из Рады, не выражавший ни в малейшей степени мнения рабочих и крестьян в Белоруссии, был, по решению Областного Центра, разогнан и он стоил этого; но и после этого Белорусская Рада не сдалась, а стала вести подпольную работу, устанавливая связь с польскими легионами, агитируя среди Белоруссов за присоединение к Польским легионам, вооружая и т. д. офицеров и направляя их к Довбор-Мусницкому. Эта преступная работа была прослежена и пресечена: значительная часть активных участников ее арестована. Другая часть Белорусской Рады притаилась и выжидала удобного случая, чтобы воспрянуть к жизни.

Белорусская контр-революция была на время раздавлена, но на смену ей пришла еще более организованная и крепкая сила польских легионов, действовавших по указаниям сорганизовавшегося в октябрьские дни верховного, военного польского комитета.

Часть этого Комитета бежала, другую удалось арестовать. Между тем, польские легионеры заняли Бобруйск, захватили крупные суммы в Бобруйском Казначействе. Организованный при штабе фронта Революционный Штаб повел решительную борьбу под Бобруйском с легионами: два раза разбил поляков, оттеснил их к Осиповичам и нет сомнения, что и польские контр-революционеры были бы разгромлены; они уже просили у немцев помощи, но тут грянуло немецкое наступление. Под Осиповичами разыгрался новый бой; те подкрепления, которые раньше были выдвинуты на поддержку отряда под Осиповичами, в виду новой обстановки, двинуты быть не могли. Ряды наших солдат дрогнули; нас оттеснили. В два дня все положение изменилось с катастрофической быстротой. Спокойно работавшая Советская власть в мгновение очутилась между молотом и наковальней. Немцы повели наступление 18 февраля. Вечером они уже были в Молодечно; 19 февраля был разбит наш отряд под Осиповичами. Немцы с двух сторон шли на Минск, и перед Советской властью стал во весь рост вопрос об эвакуации Минска. При тех силах, которыми располагал Областной Совет Комиссаров, исчислявшихся несколькими сотнями солдат, нельзя было думать не только о серьезном отпоре, но и вообще о каком либо сопротивлении. Минский гарнизон, все, что было у него лучшего, отдал на борьбу с польской контр-революцией и, главным образом, с украинской контр-революцией. Гордость Минского Совета—первый революционный полк—сформированный в Октябрьские дни из „политических", арестованных по приказу Керенского, участвовал в это время в штурме и взятии Киева; на фронте почти ничего уже не было, а если кто и был, то при катастрофической быстроте, о которой разворачивались события, при полном разложении и воцарившейся на фронте панике ничего нельзя было предпринять. Считаясь со всеми этими обстоятельствами, Совет Народных Комиссаров в ночном заседании с 18 на 19 условно решил, а 19, когда пришла весть о Бобруйской катастрофе, днем окончательно постановил эвакуировать необходимые учреждения и в первую голову—Штаб фронта. Отход был рассчитан на 19-е к ночи, но эти рассчеты были опрокинуты полным саботажем железнодорожников, в последнюю минуту отказавшихся дать паровозы и проч. С большими мытарствами, претерпев крушение поезда, Областной Центр прибыл в Смоленск, где и решил обосноваться, чтобы здесь организовать вместе со Штабом фронта сопротивление неприятелю. В Смоленске получились сведения о занятии Минска 20-го февраля польскими легионами, а на другой день 21-го—немецкими бандами. Полоса организационного строительства Облискомзапа, с переездом его в Смоленск сменяется тяжелой работой по организации отпора быстро надвигавшимся бандам. В Смоленске произошло слияние Губернского

Исполкома и Областного Центра и был выделен Совет Комиссаров для управления оставшейся частью Западной Области. Но обстановка на фронте, требовавшая напряжения всех сил для организации обороны, побудила Областной Центр реорганизоваться на чисто военную ногу и отдать все активные силы в Штаб Западного фронта и в военный Комиссариат Западного фронта, занявшийся формированием отрядов Красной Армии. Свыше 40 агитаторов были разосланы по всем уездам, дабы на местах уяснить необходимость организации добровольческой армии во имя защиты социалистического отечества. Формирование пошло быстрым темпом и дало возможность поставить силы на фронт. Вместе с тем был поднят вопрос об эвакуации Орши, в которой было очень много чрезвычайно ценного имущества. Из Орши удалось вывести все: железнодорожные составы и около 6 тысяч вагонов всякого имущества. Этот военный период деятельности Облискомзапа заканчивается к моменту подписания Брестского мира. Наступает период, когда дальнейшее существование Областного Совета ставится многими активными его деятелями под вопросом, когда тяжесть разгрома половины области, если не трех четвертей ее, заставила многих товарищей безнадежно махнуть рукой на дальнейшую областную работу. Заслуживает быть отмеченным факт позорного бегства в эти критические дни всей фракции левых эсеров. Но мощная организация пережила все эти дни сомнений и колебаний и перенесла обрушившиеся на нее удары с поразительной стойкостью. Областной Совет постановляет созвать Областной с'езд, который по воле истории не удалось созвать в Минске, хотя он уже и был назначен, с тем, чтобы снова, со всем напряжением воли и энергии методично и постепенно налаживать и создавать новый Областной аппарат. Естественно встал вопрос о Смоленской губернии и ее включении в Западную Область. Вопрос подвергся продолжительному дебатированию в партийных кругах и прежде всего в среде местных партийных товарищей. Вскоре вокруг этого вопроса разгорается ожесточенная борьба. Для областных работников необходимость и целесообразность организации области в составе Смоленской и частей Витебской и Минской губ. не была подвержена никакому сомнению за исключением одного—двух нетвердых товарищей, испугавшихся тяжести борьбы за торжество своего мнения. А борьба была тяжелая. Надо было преодолеть пассивность доброй половины самого Облискомзапа, консерватизм Смоленских партийных работников, ожесточенное сопротивление Смоленского Губисполкома, опиравшегося на решение Губернского С'езда о невхождении в Западную Область, преодолеть факт вхождения Смоленской губернии в Московскую область. За Западную область была логика истории, здравый смысл, благоприятное мнение президиума Облискомзапа. В конечном счете,

после целого ряда длительных дискуссий, вопрос на Областном С'езде разрешился в положительном смысле. 2-й Областной С'езд, собравшийся в апреле, подвел ту твердую базу под Областную власть, которой не хватало Облискомзапу. Своим решением о включении Смоленской губернии в Область он подвел итог предыдущей деятельности Облискомзапа и открыл новую страницу его работ, я бы сказал другой, второй период работы Областного центра, период, когда область крепнет в организационном и хозяйственном отношениях, наливается соками положительной работы по социалистической организации хозяйственной жизни области. Куда мы не обратим своих взоров, какую сторону деятельности Облискомзапа мы не затронули бы, с удовлетворением констатируешь наличие огромных реальных результатов. Являясь чутким барометром политической жизни, Облискомзап сразу же повел ожесточенную борьбу с кулацкими советами, везде организуя бедноту против кулаков. Целый ряд решений принципиального характера выносится Облискомзапом с поразительной чуткостью и исторически верной постановкой вопроса. Отношение к левым эс-эрам, способ восстановления боевой мощи Республики, отрицательное отношение к национальному Белорусскому Комиссариату и вообще к национальным комиссариатам, положительная оценка в свое время Брестского мира, внедрение в массы и советские круги централистических принципов и целый ряд других вопросов, отмечать которые подробнее мы надеемся осветить в другом месте, ставились и разрешались глубоко жизненно и целовито. Но и в области социалистической организации хозяйства сделано очень и очень многое, но, конечно, не все. Политика Областного Комиссариата Труда носила чисто классовой, пролетарский характер и была направлена на подавление эксплоататоров и коренное улучшение положения рабочего класса. Отдел Земледелия впервые в Советской России поставил вопрос о „государственных имениях“, т. е. о национализации крупных культурных хозяйств—будущих крепостей социализма в деревне. Облискомзап принял соответствующее постановление и, несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны очень многих земельных деятелей, не исключая и коммунистов, не говоря уже о лево-эс-эрах, теперь около трехсот культурных имений по Области национализированы и питают городской пролетариат. Кое-что сделано в области национализации промышленности Советом Народного Хозяйства, поднявшим еще невспаханные рукой коммуниста целены народохозяйственной жизни. Если здесь в отдельных отраслях меньше сделано, чем в других отделах, то это вполне об'яснимо гигантским масштабом работ, которых не охватить сразу.

Отделом финансов проведена полностью национализация всех банков Области, обревизованы сейфы, собрано несколько миллио-

нов рублей налогами, организуется областной банк, подготовлен и опубликован декрет о подоходном налоге всей своей тяжестью падающий на кулацкие слои деревни.

Областной Комиссариат продовольствия сумел не одну тысячу пудов хлеба распределить по области, благодаря организованным им продовольственным отрядом из рабочих, организовал закупку различных предметов первой необходимости для деревни, широко поставил товарообмен по всей Области, используя кооперативные организации. Плоды многих мероприятий Комиссариата Продовольствия пока еще не видны, но они очень скоро появятся при дружной поддержке местных продовольственных органов.

Областной Отдел Народного Образования провел в жизнь величайшую школьную реформу и создал в Смоленске государственный университет, что было всегда заветным желанием буржуазных родителей из наших городских дум, но чего, увы, они не в силах были осуществить. Плоды пролетарского труда обильны; сделано не мало. Но было бы сделано еще больше, если Областной Совет был бы поддержан всеми без исключения Советами на местах. К сожалению, это не имело места, и здесь мы переворачиваем одну из самых печальных страниц из жизни Области. Я говорю о борьбе с губернскими центрами, которую повел Облискомзап и в которой, надо признаться, он не обнаружил дальновидности и исторического глазомера. Дееспособность Облискомзапа и совершенная неудовлетворительность Губернских центров невольно толкала на путь упразднения Витебского и Могилевского губернских центров. С другой стороны, активность Облискомзапа, сумевшего стать во главе уездных советов, вызывала отпор со стороны губернских центров, обиженных в своих правах, и в свою очередь последние стали бороться за упразднение Облискомзапа. Этот совершенно непринципиальный спор породил бездну конфликтов, бездну ненужных и бессмысленных писаний и столкновений, где с усердием, достойным лучшего применения, чернилась и та и другая сторона. Между тем как сразу же вопрос должен был разрешиться в смысле упразднения Могилевского Губсовдепа и сохранения Витебского. То, что Облискомзап сразу не поставил так вопрос, без сомнения ему может быть поставлено в укор, но жизнь исправила, хотя и с большим запозданием эту ошибку; 3-й Областной С'езд Советов оставил Витебский Губисполком и упразднил Могилевский. Споры закончились, конфликты изжиты, и началась дружная творческая работа. Этот второй период между вторым и третьим с'ездом характеризуется, как период накапливания сил организационного оформления и устойчивости территории Области, в то время, как первый период характеризовался сужением территории и ходом всей работы на убыль. Третий областной с'езд открывает новую страницу в жизни Западной

Области. Это уже не Западная Область—это Западная Коммуна младшая сестра в братской семье коммун социалистической Республики. Здесь начало третьего периода, периода расцвета Западной Коммуны, когда ее высший орган, Областной С'езд проходит под знаком начинающегося восстановлением ее разрушенной территории. Дополнительный договор предусматривает постепенное очищение территории Западной Области, но близящийся мировой Октябрь, мы не сомневаемся, одним мощным ударом восстановит Советскую власть в ныне оккупированной части территории Западной Области. И тут выступает всемирно историческая роль, которая выпала на долю рабочих и крестьян Западной Области в подготовке мировой революции. Рука об руку с германским рабочим, выступившим по воле судьбы в качестве душителей рабочих и крестьян оккупированной территории подготовляется кадр германских революционных борцов. На примере наших рабочих и крестьян, имеющих за собой опыт Советской власти, германские пролетарии учатся быть честными революционерами, носителями грядущей германской революции. Факты последнего времени выразительнее слов говорят об этом. Бурные митинги немецких солдат на всем нашем фронте, массовое дезертирство в ряды нашей армии и бунты — все свидетельствует о близости германского октября.

В итоге года власти мы укрепились на своих социалистических позициях и сумели продержаться до момента, когда атмосфера накалена революционным пожаром. Западная Коммуна—это окно Советской России в Европу, ее боевой авангард, и когда германский рабочий даст пинка Шейдеману и компании, красные полки Западной коммуны прежде всего должны будут двинуться германским пролетариям на помощь. Мы дожны быть готовы на предстоящих празднествах отпраздновать не один русский октябрь, а по меньшей мере два октября — наш и немецкий. Да здравствует же Мировой Октябрь!

И. Ренев (И. Рейнгольд).